

572
WIDENER

HN ZABL V

СТАВ
3991
3-808

3 2044 022 548 424

Н. КАРЬЕВЪ.

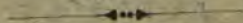
Историческое міросозерцаіе М. Н. Траховскаго.

3-Е ИЗДАНИЕ.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ).

Чистый доходъ отъ изданія поступить въ пользу
Общества вспомошествованія недостаточнымъ
ученикамъ 3 Московской Гимназіи.

Цѣна 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1905.

Н. КАРВѢВЪ.

Историческое міросозерцаіе

М. Н. Траховскаго.

3-Е ИЗДАНИЕ.

(СЪ ПОРТРЕТОМЪ).

Чистый доходъ отъ изданія поступитъ въ пользу
Общества вспомошествованія недостаточнымъ
ученикамъ 3 Московской Гимназіи.

Цѣна 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1905.

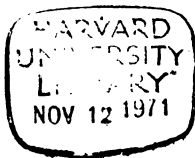
Slav 3991.3.808

✓

8499

Handwritten signature or initials

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 сентября 1905 года.

Настоящая статья объ историческомъ міросозерцаніи Грановскаго появляется въ печати уже не въ первый разъ. Она была написана десять лѣтъ тому назадъ въ формѣ „рѣчи“ на торжественномъ актѣ Петербургскаго университета 8 февраля 1896 года и появилась сначала въ годичномъ отчетѣ названнаго университета за 1895 годъ и вмѣстѣ въ видѣ отдѣльнаго оттиска изъ этого изданія. Затѣмъ она была перепечатана во второмъ изданіи моихъ „Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдовъ“ (Спб. 1899) рядомъ съ другими статьями аналогичнаго содержанія. Теперешнее новое изданіе „рѣчи“ является такимъ образомъ третьимъ, выпускается же оно въ свѣтъ въ данную минуту въ виду наступающей осенью этого года пятидесятой годовщины дня смерти Грановскаго, скончавшагося, какъ извѣстно, 4 октября 1855 г. Въ этотъ день и въ близкіе къ нему дни, конечно, вся прогрес-

сивная Россія будетъ вспоминать имя славнаго московскаго профессора „сороковыхъ годовъ“, и чѣмъ больше въ обращеніи, особенно среди молодежи, будетъ подъ руками матеріала для чтенія объ этой замѣчательной личности, тѣмъ, разумѣется, лучше.

Прилагаемый къ этой книжкѣ портретъ Грановскаго представляетъ собою уменьшенную фототипію съ рисунка сепіей, въ свою очередь являющагося копіей съ гравюры К. Горбунова (1845). Самый рисунокъ былъ сдѣланъ въ 1849 г. однимъ изъ тогдашнихъ московскихъ студентовъ (Привольнымъ) и подаренъ одному изъ товарищей, сынъ котораго, проф. Петербургскаго университета, В. Θ. Дерюжинскій, и предоставилъ портретъ въ мое распоряженіе для помѣщенія въ этой книжкѣ.

Чистый доходъ отъ продажи настоящаго изданія поступитъ въ пользу недостаточныхъ учениковъ 3 Московской гимназій, въ которой авторъ книжки тридцать лѣтъ тому назадъ (1873—1879) началъ свою педагогическую дѣятельность.

Въ только-что истекшемъ году ¹⁾, исполнилось шестьдесятъ лѣтъ по окончаніи курса въ нашемъ университетѣ Грановскимъ и сорокъ лѣтъ со дня кончины Грановскаго послѣ славнаго профессорства въ Москвѣ. Въ сегодняшнемъ торжественномъ собраніи на мою долю выпала честь произнести передъ гостями, почтившими насъ своимъ присутвіемъ, обычную рѣчь, относящуюся къ научной специальности говорящаго. Я не долго размышлялъ о томъ, къ чему буду просить у Васъ благосклоннаго вниманія, и, какъ на предметъ, достойномъ общаго интереса, остановился на историческомъ міросозерцаніи Грановскаго. Хотя имя Грановскаго не принадлежитъ Петербургу, но оно не принадлежитъ исключительно и одной Москвѣ, ибо принадлежитъ всей Россіи, и это есть имя человѣка, говорить о которомъ можно и должно не въ однѣ только годовщины какихъ-либо знаменательныхъ датъ его біографіи.

Грановскій имѣлъ громадное вліяніе на совре-

¹⁾ Писано въ 1896 г.

менниковъ. Онъ занималъ совершенно исключительное положеніе въ университетѣ, былъ во мнѣніи общества главною силою одного изъ тѣхъ кружковъ, которые привлекали къ себѣ вниманіе образованныхъ людей того времени, и дѣйствительно являлся своего рода центральною фігурою среди людей сороковыхъ годовъ. Такое положеніе не дается чловѣку даромъ: такое положеніе завоевываютъ для себя обаяніемъ своей личности, силою своей мысли и глубиною нравственнаго чувства только люди, особенно награжденные лучшими дарованіями чловѣческаго духа. Въ первый разъ въ исторіи нашего просвѣщенія дѣятелю науки и университетскому преподавателю пришлось играть такую общественную роль, — и именно какъ ученому, какъ профессору. Въ жизни нашихъ университетовъ Грановскій былъ первымъ профессоромъ исторіи, который, поставивъ на своемъ знамени идею науки, желалъ, чтобы эта наука находилась въ живомъ общеніи съ другими отраслями чловѣческаго знанія, и, внося въ нее общія философскія идеи, выработанныя передовыми умами своего времени, стремился къ тому, чтобы наука эта оказывала вліяніе на жизнь, была воспитательницею и руководительницею не только одной учащейся молодежи, но и всего нашего общества. Онъ былъ первый на каедрѣ всеобщей исторіи, который отрѣшался отъ взгляда на этотъ предметъ, какъ на механическое соединеніе частныхъ исторій отдѣльныхъ странъ и народовъ, для того, чтобы возвыситься до всемірно-исторической точки

зрѣнія, до представленія исторіи чѣловѣчества, въ нѣдрахъ котораго совершается единый по своему существу и по своей цѣли процессъ духовнаго и общественнаго развитія. Грановскій же, наконецъ, начинаетъ у насъ рядъ русскихъ ученыхъ, которые стали самостоятельно заниматься исторіей европейскаго Запада, въ чемъ, можно сказать, выразилась впервые зрѣлость нашей научной мысли и наше право на умственную самостоятельность въ сферѣ всеобщей исторіи.

Въ качествѣ одного изъ представителей каедръ всеобщей исторіи въ петербургскомъ университетѣ и притомъ какъ воспитанникъ университета московскаго, въ которомъ Грановскій оставилъ прочную научную традицію, я позволю себѣ заняться выясненіемъ передъ Вами историческаго міросозерцанія знаменитаго историка. Я не стану говорить ни о его личности, ни о средѣ, его окружавшей; не стану дѣлать характеристики Грановскаго, какъ университетскаго преподавателя и публичнаго лектора, какъ частнаго челоуѣка и общественнаго дѣятеля; не стану разбирать отдѣльныя его произведенія или передавать, какъ онъ смотрѣлъ на тѣ или другіе народы, эпохи, событія, которыхъ касался въ сочиненіяхъ своихъ и лекціяхъ. Задача, которую я себѣ поставилъ, строго ограниченная: мнѣ хочется выяснить то, что можно назвать исторической философіей Грановскаго,—его отношеніе въ разнымъ теоретическимъ вопросамъ исторической науки.

Этой работы во всемъ ея объемѣ до сихъ поръ

нието еще не производилъ ¹⁾. Въ 1856 г., издавая сочиненія Грановскаго, Кудрявцевъ, его ученикъ и товарищъ по кафедрѣ, приглашалъ „опредѣлить его мѣсто и общее значеніе въ литературѣ“, „обсудить всю сферу умственнаго созерцанія писателя, сколько она отразилась въ его сочиненіяхъ“ ²⁾. Съ тѣхъ поръ прошло сорокъ лѣтъ, но работа эта по отношенію къ теоретическимъ взглядамъ Грановскаго доселѣ не исполнена. Грановскій написалъ, какъ извѣстно, очень мало. Исторіологическимъ вопросамъ посвящена лишь одна его автовая рѣчь „О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи“, читанная имъ въ 1852 г., да въ концѣ прошлаго года былъ опубликованъ впервые набросокъ историко-философскаго введенія, повидимому, въ первый университетскій курсъ Грановскаго ³⁾. Остаются затѣмъ отдѣльныя мысли, разбросанныя по разнымъ мѣстамъ сочиненій Грановскаго. Матеріалъ скудный, — говоритъ нечего: быть можетъ, этимъ и объясняется то, что онъ не сосредоточивалъ на себѣ вниманія людей, писавшихъ о знаменитомъ профессорѣ. Но этого матеріала совершенно

¹⁾ Въ публичной лекціи *проф. П. Г. Виноградова* о Грановскомъ („Русская Мысль“, 1893, апрѣль), гдѣ всего подробнѣе говорилось до сихъ поръ объ этомъ предметѣ, ему посвящено 13 страницъ, да и то не всецѣло, причѣмъ охарактеризованы не всѣ стороны историческаго міросозерцанія Грановскаго.

²⁾ Сочиненія *Т. Н. Грановскаго*. М. 1892. Т. I, стр. X и XI.

³⁾ Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета Св. Владиміра. Спб. 1895.

достаточно, чтобы, не прибѣгая ни въ какому угадыванію мысли Грановскаго, возсоздать его общее историческое міросозерцаніе. Безъ всякихъ натяжекъ притомъ его можно представить, какъ міросозерцаніе, въ общемъ послѣдовательное и до известной степени цѣльное. Быть можетъ, кое-гдѣ въ немъ и не сведутся концы съ концами, но въ этомъ будутъ виноваты пробѣлы: о многомъ намъ Грановскій не сказалъ, какъ онъ объ этомъ думалъ. Нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что если бы мы знали мысли Грановскаго въ болѣе подробномъ ихъ развитіи, мы обнаружили бы въ нихъ и болѣе рѣзкія противорѣчія, но и тутъ весьма многое въ его міросозерцаніи отъ насъ скрыто.

Между тѣмъ такое уясненіе историческаго міросозерцанія Грановскаго имѣетъ значеніе не только для болѣе полной характеристики его умственной фізіономіи. Оно характеризуетъ и цѣлую эпоху. Грановскій находился въ числѣ тѣхъ молодыхъ профессоровъ, которые, вернувшись изъ-за границы, внесли въ высшее преподаваніе свѣжую струю и какъ нельзя болѣе содѣйствовали развитію науки въ университетахъ, обновленныхъ уставомъ 1835 года. Всѣ эти профессора подверглись могущественному вліянію западной науки въ ея разныхъ направленіяхъ, но ни на комъ это вліяніе не сказалось такъ полно и многосторонне, какъ на Грановскомъ, что, въ свою очередь, не позволило ему отразить на себѣ лишь одно какое-либо умственное теченіе Запада. Въ историческомъ міросозерцаніи Гранов-

сваго мы имѣемъ поэтому дѣло съ тогдашнимъ русскимъ синтезомъ разныхъ направленій исторической науки Запада. Въ послѣдніе годы жизни Грановскаго, подъ вліяніемъ тогдашнихъ политическихъ событій, наше умственное общеніе съ европейскою наукою почти прекратилось, по крайней мѣрѣ, въ формѣ посылки за-границу молодыхъ ученыхъ для приготовленія къ профессурѣ. Оно возстановилось вполнѣ лишь съ новымъ обновленіемъ университетской жизни — въ шестидесятыхъ годахъ. Въ историческомъ міросозерцаніи Грановскаго, продолжавшаго до самой своей смерти слѣдить за западною наукою, мы видимъ ту высшую ступень⁴ научно-философскаго отношенія во всеобщей исторіи, какая была только тогда возможна на русской университетской каѳедрѣ. Вотъ почему я и счелъ себя въ правѣ сказать, что историческое міросозерцаніе Грановскаго характеризуетъ и цѣлую эпоху.

Но это міросозерцаніе имѣетъ и не одно историческое значеніе. Въ немъ есть и доселѣ живые элементы, есть идеи, которымъ принадлежитъ бессмертіе, ибо идеи эти вырабатывались вѣками исторической работы человѣчества и не умираютъ со смертію отдѣльнаго человѣка; какъ не умираютъ и съ окончаніемъ отдѣльныхъ историческихъ эпохъ. Это вѣчное и бессмертное въ историческомъ міросозерцаніи Грановскаго — его заслуга, дающая ему право на то, чтобы поминать его имя не въ однѣ знаменательныя годовщины.

Грановскій, сказать правду, не имѣлъ ни любви,

ни таланта въ отвлеченному мышленію ¹⁾, но онъ никогда не былъ совершенно чуждъ теоретическихъ интересовъ, особенно по ихъ связи съ практическими вопросами жизни. Теоретическіе вопросы исторической науки весьма сильно занимали Грановскаго. Въ качествѣ введенія въ своимъ курсамъ онъ часто пользовался темою о цѣли и значеніи всеобщей исторіи, и въ такихъ вступительныхъ лекціяхъ онъ развивалъ свою тему философски. Уже подготавливая свой первый университетскій курсъ 1839 г., онъ предпослалъ ему общее разсужденіе о задачахъ исторической науки, объ ея отношеніяхъ къ философіи и къ другимъ наукамъ. Въ неизданныхъ до сихъ поръ тетрадяхъ Грановскаго сохранился набросокъ введенія, повидимому, въ этотъ его первый курсъ. По этому отрывку, только-что изданному, мы имѣемъ возможность судить о томъ, какъ ставилъ Грановскій въ началѣ своей профессорской дѣятельности основные вопросы исторической науки. Существуетъ, кромѣ того, записъ курса 1843—44 г., сдѣланная однимъ изъ его учениковъ, и здѣсь начало оказывается еще болѣе проникнутымъ философскими идеями. Наконецъ, за три года до своей смерти, на университетскомъ актѣ 1852 г. Грановскому пришлось произнести обычную рѣчь, и его темою было „современное состояніе и значеніе всеобщей исторіи“. Очевидно, этому предмету

¹⁾ См. характеристику Грановскаго, сдѣланную Герденомъ и приведенную нами въ концѣ.

онъ придавалъ большую важность. „Вопросы о теоретическомъ значеніи исторіи, — говорилъ онъ самъ въ этой рѣчи, — вопросы о приложеніи ея уроковъ къ жизни, о средствахъ, которыми она можетъ достигать своихъ дѣйствительныхъ, или извнѣ ей поставленныхъ цѣлей, не новы. Они обращали на себя вниманіе великихъ умовъ древняго міра и составляютъ неистощимое содержаніе ученыхъ преній въ наше время. Важность этихъ вопросовъ, — прибавляетъ онъ, — едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что они находятся въ тѣсной связи съ задачею нравственнаго и умственнаго образованія, слѣдовательно, съ цѣлою участію будущихъ поколѣній“¹⁾. Наконецъ, Грановскій, по словамъ его біографа А. В. Станкевича, передъ самою своею смертію намѣревался приготовить для задуманнаго имъ сборника нѣсколько статей подъ названіемъ „Историческія Письма“, „желая изложить въ нихъ рядъ мыслей о своей наукѣ и высказаться полнѣе и отчетливѣе о тѣхъ вопросахъ, которыхъ коснулся въ своей рѣчи „О современномъ состояніи и значеніи всеобщей исторіи“²⁾.

Свой интересъ къ вопросамъ подобнаго рода Грановскій внушалъ, очевидно, и своимъ ученикамъ. Въ статьѣ своей „О современныхъ задачахъ исторіи“, заключающей въ себѣ разборъ рѣчи Грановскаго, Кудрявцевъ прямо назвалъ ее „однимъ изъ

¹⁾ Сочиненія Грановскаго, I, 3—4.

²⁾ Станкевичъ. Т. Н. Грановскій, стр. 296.

тѣхъ важныхъ и прочныхъ приобретений литературы, которыя должны наиболѣе соответствовать распространению основательныхъ знаній о предметахъ—въ настоящемъ случаѣ знаній историческихъ¹⁾. Можно сказать, что въ этомъ отношеніи Грановскій былъ родоначальникомъ той традиции, которая сдѣлалась характерною особенностью историческаго преподаванія въ Московскомъ университетѣ.

Дѣло въ томъ, что Грановскій съ самаго начала своихъ занятій исторіей сталъ интересоваться и философіей. Въ 1837 г., живя въ Берлинѣ, онъ слушалъ университетскія лекціи по философіи и изучалъ Гегеля, интересуясь въ то же время и современностью²⁾. Къ философіи его влекли преимущественно нравственные запросы его души, чуткой ко всему возвышенному: это съ полнѣйшею очевидностью явствуется изъ его письма къ Григорьеву, гдѣ онъ объяснялъ, почему сталъ заниматься фи-

¹⁾ Сочиненія *Будрявцева*, I, 34.

²⁾ „Философія и современный міръ—вотъ два господствующихъ занятія на нынѣшней семестрѣ“, писалъ о себѣ и о Грановскомъ его другъ Н. В. Станкевичъ въ 1837 г. изъ Берлина своимъ московскимъ пріятелямъ. *Станкевичъ*, 68. „Въ берлинскомъ университетѣ въ то время остова діалектики сталъ обростать мясомъ, наука перестала считать себя противоположною жизни, Гансъ приходилъ на лекцію не съ фоліантомъ въ рукѣ, а съ послѣднимъ номеромъ парижскаго или лондонскаго журнала. Діалектическимъ построеніемъ пробовали тогда рѣшить историческіе вопросы въ современности“. *Герценъ*. Сочиненія, VII, 265.

лософіей, и убѣждалъ Григорьева читать Гегеля ¹⁾. Интересуясь отвлеченными проблемами философіи, имѣя извѣстную философскую подготовку, Грановскій не могъ, конечно, не ставить и въ своей наукѣ, въ исторіи, общихъ теоретическихъ вопросовъ. Тогдашнее преподаваніе всеобщей исторіи въ нашихъ университетахъ и, между прочимъ, въ Петербургскомъ, гдѣ учился Грановскій, было вовсе не таково, чтобы навести его на эти вопросы ²⁾. Свой вкусъ къ историческимъ занятіямъ онъ приобрѣлъ путемъ чтенія трудовъ лучшихъ европейскихъ историковъ, и они-то, конечно, должны были натолкнуть его на массу вопросовъ общаго, такъ сказать, историко-философскаго характера. До своей заграничной поѣздки Грановскій былъ уже хорошо знакомъ съ французскими историками, выступившими въ двадцатыхъ годахъ съ замѣчательными трудами по исторіи средневѣковой Франціи, былъ хорошо знакомъ съ Гизо и съ Огюстеномъ Тьерри, которые разрабатывали свои историческія темы въ такой тѣсной связи съ наиболѣе жгучими вопросами тогдашней общественной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ внося въ эту разработку совершенно новые мате-

¹⁾ *Станкевичъ*, 63 и слѣд.

²⁾ „Въ наше время почти всѣ отдѣлы всеобщей исторіи читались такъ несоответственно самымъ скромнымъ требованіямъ, что трудно было развернуться къ ней особому расположенію даже въ самыхъ способныхъ къ тому натурахъ“. *Григорьевъ*, Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ. „Русск. Бесѣда“. 1856. III.

ріалы, приѣмы и идеи, однимъ словомъ, новый научный духъ. Новымъ научнымъ духомъ повѣяло на Грановскаго и въ Берлинѣ, гдѣ онъ слушалъ лекціи Ранке, положившаго начало разработкѣ новой западно-европейской исторіи. Въ Берлинѣ онъ слушалъ и лекціи знаменитаго родоначальника исторической школы права, Савиньи, который, несмотря на всю односторонность своей теоріи, несомнѣнно сдѣлалъ много для внесенія научности въ историческое изученіе права. Достаточно называть лишь эти имена—Гизо и Тьерри, Ранке и Савиньи, чтобы представить себѣ, подъ какими вліяніями стало складываться отношеніе Грановскаго къ исторической наукѣ. Позднѣе онъ сумѣлъ оцѣнить и великое значеніе Нибура, одного изъ первыхъ настоящихъ научныхъ историковъ нашего вѣка. Всѣ эти вліянія скрещивались въ Грановскомъ. Онъ, однако, не поддавался исключительно ни одному изъ нихъ, умѣя рядомъ съ сильными сторонами каждаго направленія замѣчать и его недостатки ¹⁾, но именно самыя несогласія въ исходныхъ пунктахъ тѣхъ историческихъ школъ, подъ вліяніемъ которыхъ складывалось научное міросозерцаніе Грановскаго, должны были наталкивать его на необходимость самостоятельнаго разрѣшенія основныхъ теоретическихъ вопросовъ своей науки.

¹⁾ Это хорошо подмѣчено П. Г. Виноградовымъ въ его публичной лекціи о Грановскомъ. „Русская Мысль“. 1893. IV, 46—50.

Философія Гегеля, занимавшая въ ту эпоху тронъ европейской мысли, съ своей стороны, предлагала готовые отвѣты на эти вопросы и, значить, могла интересовать Грановскаго не только потому, что такъ или иначе „успокаивала его душу“.

Какъ ни различны были основныя идеи тогдашнихъ историческихъ школъ, — идеи либеральной школы Гизо и Огюстена Тьерри, критической школы Нибура и Ранке, консервативной школы Савиньи, — въ одномъ онѣ всё были между собою согласны. Именно въ этихъ „школахъ“ исторія начала превращаться въ настоящую науку. До этого времени на историографію смотрѣли обыкновенно, какъ на искусство, какъ на одинъ изъ родовъ, да и то не самыхъ важныхъ, изящной словесности. Авторы общихъ трактатовъ о томъ, что такое исторія, каковы ея цѣли и средства, въ ту эпоху еще не были въ состояніи отрѣшиться отъ взгляда, родившаго исторію съ поэзіей, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и искали, гдѣ же та граница, которая отдѣляетъ одну отъ другой: авторамъ подобныхъ трактатовъ было извѣстно, что такое „историческое искусство“, но выраженіе „историческая наука“ имъ было бы, пожалуй, непонятно. Даже много позднѣе у насъ Бѣлинскій, увлеченный историческимъ романомъ, высказывалъ ту мысль, что послѣдній можетъ вытѣснить исторію. Хотя Грановскій, подобно Огюстену Тьерри, заинтересовался сначала исторіей благодаря въ значительной мѣрѣ Вальтеръ-Скотту, тѣмъ не менѣе онъ весьма скоро проникся тѣмъ

новымъ научнымъ духомъ, который характеризуетъ историческія работы Нибура, Савиньи, Гизо, Тьерри и Ранке. Въ своей актовѣ рѣчи Грановскій самымъ рѣшительнымъ образомъ заявилъ, что видитъ въ исторіи только науку. „Греки и римляне,—говоритъ онъ здѣсь,—смотрѣли на исторію другими глазами, нежели мы. Для нихъ она была болѣе искусствомъ, чѣмъ наукою... Задача греческаго историка заключалась преимущественно въ возбужденіи въ читателяхъ нравственнаго чувства или эстетическаго наслажденія... Политическіе опыты прошедшихъ поколѣній должны были служить примѣромъ и урокомъ для будущихъ ¹⁾... При господствѣ такихъ направленій произведенія древней исторіографіи не могли походить на ученныя сочиненія новаго времени, болѣе или менѣе носящія на себѣ печать кабинетной работы ²⁾... Имѣя такимъ образомъ въ виду или ту сторону духа, на которую дѣйствуетъ искусство, или сферу практической, гражданской дѣятельности, исторія уклонилась отъ строгаго характера науки. Исслѣдованіе въ настоящемъ смыслѣ этого слова, критика фактовъ почти не существовали“ ³⁾. Нужно было бы, впрочемъ, цѣликомъ выписать тѣ страницы, изъ которыхъ взяты нами приведенныя слова, чтобы показать, какъ Грановскій противопоставлялъ исторію-науку

¹⁾ Сочиненія, I, 5.

²⁾ Тамъ же, 6.

³⁾ Тамъ же, 7.

исторіи-искусству. Это не значить, однако, что онъ желалъ изгнанія изъ исторіи художественнаго элемента. Совсѣмъ нѣтъ. Желать этого онъ не могъ, будучи самъ художникомъ слова, и если кому въ своей внѣшней манерѣ онъ и подражалъ, то именно Тьерри, который, какъ извѣстно, былъ великимъ мастеромъ изящнаго историческаго повѣствованія. Мало того. Въ той же актовой рѣчи Грановскій протестовалъ противъ историковъ, которые пишутъ только для ученыхъ, забывая, что исторія есть, какъ выразился онъ, „по самому существу своему самая популярная изъ всѣхъ наукъ, призывающая къ себѣ всѣхъ и каждаго. Къ счастью, — прибавляетъ онъ тутъ же, — узкія понятія о мнимомъ достоинствѣ науки, унижающей себя исканіемъ изящной формы и общедоступнаго изложенія, возникшія въ удушливой атмосферѣ нѣмецкихъ ученыхъ кабинетовъ, несвойственны русскому уму, любящему свѣтъ и просторъ. Цеховая, гордая своей исключительностью наука не въ правѣ рассчитывать на его сочувствіе“ ¹⁾. Все въ той же актовой рѣчи Грановскій, весьма краснорѣчиво изображая, какъ велика въ наше время масса историческаго матеріала и монографическихъ разработокъ этого матеріала, приходитъ наконецъ къ такому выводу: „ясно, что при настоящемъ состояніи исторіи она должна отба-

¹⁾ Тамъ же, I, 26—27. Разумѣется, тутъ Грановскій, какъ и самъ онъ оговаривается, не имѣлъ въ виду частныхъ изслѣдованій, которыя не допускаютъ занимательности, но безъ которыхъ наука не можетъ двигаться впередъ. (см. ниже).

заться отъ притязаній на художественную законченность формы, возможной только при строгой опредѣленности содержанія, и стремиться къ другой цѣли, т.-е. къ приведенію разнородныхъ стихій своихъ подь одно единство науки“¹⁾).

Извѣстно, что послѣднія слова Грановскаго встрѣтили горячій протестъ со стороны Кудрявцева, который, наоборотъ, весьма сильно дорожилъ художественностью формы²⁾. Но намъ совершенно понятна мысль Грановскаго. Самъ художникъ, онъ видѣлъ тѣмъ не менѣе, что исторія все болѣе и болѣе дѣлается изъ искусства, каковымъ была до того времени, настоящею наукою, что по самому существу своему она должна стоять ближе къ философіи и къ другимъ наукамъ, чѣмъ къ поэзій или изящной словесности.

Грановскій, дѣйствительно, понималъ исторію-науку не иначе, какъ въ связи прежде всего съ философіей. Какъ ни важны были общія историче-

¹⁾ Тамъ же, стр. 9.

²⁾ „Неужели правда, что исторія должна отказаться отъ всѣхъ притязаній на художественную законченность формы? Неужели правда, что элементъ искусства для нея болѣе не существуетъ? Позволимъ себѣ усумниться въ этомъ. Что однажды открыто гениемъ человечества, то не стирается вѣками. Требования науки могли увеличиться вслѣдствіе расширенія ея области, но едва ли утратили для насъ свою силу прежнія“. Сочиненія *Кудрявцева*, I, 40. Критикъ ссылается „на самого автора рѣчи: изъ произведеній его видно всего менѣе, чтобы художественная обработка стала дѣломъ совершенно постороннимъ для историка нашего времени“. Стр. 41.

скія идеи, которыми онъ былъ обязанъ своимъ западнымъ учителямъ, нието изъ нихъ не давалъ ему того, что онъ называлъ „единствомъ науки“, — цѣльнаго взгляда на исторію человѣчества. Мы еще увидимъ, какъ дорожилъ Грановскій всемірно-историческою точкою зрѣнія, т.-е. точкою зрѣнія, необходимо лежащею въ основѣ философіи исторіи. Мысль объ общемъ смыслѣ исторіи человѣчества стала занимать Грановскаго еще во время его приготовления къ профессурѣ. Во вступленіи въ первый же свой университетскій курсъ онъ говорилъ о главныхъ представителяхъ философіи исторіи въ XVIII в., объ Изелинѣ и о Кондорсе, о Гердерѣ и о Кантѣ и давалъ общую характеристику ихъ идей. Въ учебникѣ исторіи Грановскій кратко рассказываетъ исторію философіи исторіи, называя еще Боссюэта, Вико, Боллингброка, Лессинга и др. Значитъ онъ знакомился съ важнѣйшими явленіями въ области философіи исторіи ¹⁾. Человѣкъ, изучившій Гегеля, конечно, не могъ не интересоваться вопросомъ о смыслѣ исторіи человѣчества, тѣмъ болѣе, что этотъ человѣкъ былъ въ тому же историкъ, и что лекціи знаменитаго мыслителя по „Философіи исторіи“ были изданы какъ-разъ въ то время, когда нашъ историкъ учился у его послѣдователей въ Берлинѣ. Философія Гегеля давала Грановскому то, чего не могли дать изучавшіеся имъ историки и юристы, давала именно высшую

¹⁾ Сочиненія, II, 458 и слѣд.

объединяющую мысль. Известно, какъ было дѣло. На Гегеля указалъ Грановскому его другъ Н. В. Станкевичъ, которому онъ высказывалъ свои сомнѣнія по поводу подавляющей массы матеріала, подлежащаго изученію. Станкевичъ понялъ природу своего друга и посоветовалъ ему заняться Гегелемъ. „Больше простора душѣ, мой милый Грановскій! Теперь ты занимаешься исторіей: люби же ее, какъ поэзію,—прежде, нежели ты свяжешь ее съ идеей,—какъ картину разнообразной и причудливой жизни человѣчества, какъ задачу, которой рѣшеніе не въ ней, а въ тебѣ, и которое вызовется строгимъ мышленіемъ, приведеннымъ въ науку“¹⁾. Грановскій послѣдовалъ совѣту друга и вынесъ изъ изученія Гегеля свою философскую, всемірно-историческую точку зрѣнія, усвоивъ себѣ преимущественно тотъ взглядъ, что въ исторіи человѣчества каждый народъ, каждая эпоха представляютъ собою известныя идеи, какъ отдѣльные моменты въ единомъ прогрессивномъ развитіи культуры. Онъ не сдѣлался, однако, гегельянцемъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и уже въ курсѣ 1839 г. аттестовалъ „Философію исторіи“ Гегеля какъ произведеніе слабое²⁾. Сравнивая взгляды Грановскаго, высказывавшіеся имъ въ 1839 и 1852 гг., мы можемъ даже сказать, что и то гегельянство, какое еще проявляется въ немъ въ началѣ его дѣятельности, къ концу ея совсѣмъ исчезаетъ.

¹⁾ Анненковъ. Станкевичъ, стр. 197.

²⁾ Сборникъ въ пользу студентовъ ун. св. Владиміра, 315.

Конечно, вопрос о взаимныхъ отношеніяхъ философіи и исторіи долженъ былъ весьма сильно занимать Грановскаго. Изложивъ во вступленіи къ курсу 1839 г. въ самыхъ общихъ чертахъ историко-философское ученіе Гегеля, Грановскій продолжаетъ такъ: „исторіи возстали и противъ этихъ идей, отчасти вслѣдствіе заносчивости, съ какою философы прилагали ихъ, отчасти *вслѣдствіе уваженія къ собственной наукѣ*. Она не должна вступать въ службу системы, еще не побѣдившей всѣхъ противорѣчій, еще находящейся въ борьбѣ. У исторіи, какъ и у философіи, есть опредѣленная ея собственнымъ понятіемъ граница, за которую она не должна переходить. *Ея содержаніе составляютъ факты, данные опытомъ, опредѣленные обстоятельства*, ея форма не есть чистая отвлеченная мысль, а живое созерцаніе. Конечно, — продолжаетъ Грановскій, — всеобщая исторія должна восходить отъ отдѣльныхъ явленій къ общему, къ неизмѣнному, къ закону; но она идетъ путемъ обыкновеннаго размышленія, и *только то, что въ ней самой открывается, имѣетъ въ ней мѣсто*“ ¹⁾. Въ многихъ словахъ нельзя было лучше протестовать во имя исторической науки противъ притязаній гегельянцевъ. Но и это еще не все. Вслѣдъ за приведенными словами Грановскій заявляетъ, что исторія „подобно естественнымъ наукамъ должна ограничиться наблюденіемъ однообразно повторяющихся

¹⁾ Тамъ же, стр. 316.

случаевъ и выводомъ закона или общаго правила“. Мы еще увидимъ, какъ позднѣе понималъ Грановскій отношеніе исторіи къ естествознанію. —

Злоупотребленіе философій въ исторіи не отпугивало, однако, Грановскаго отъ философіи. „Каждый вноситъ,—писалъ онъ въ томъ же 1839 г.,— въ исторію собственныя предположенія, которыя опредѣляютъ весь его взглядъ на науку: если не самая философія, то идеи ея, отрѣзанныя отъ строгой научной формы и живущія въ общемъ сознаніи, проникаютъ въ исторію. Тѣ же люди, которые такъ гордо отстаивали независимость исторіи, защищали ее противъ насилія новой философской системы, сами, безъ сознанія, были приверженцы старой, уже отжившей системы. Теперь философія стала необходимымъ пособіемъ для исторіи, она дала ей направленіе къ всеобщему, усилила ея средства и обогатила ее идеями, которыя изъ самой исторіи не могли скоро развиться“¹⁾. Такъ ясно и опредѣленно понялъ только-что начинавшій свою профессорскую дѣятельность Грановскій взаимныя отношенія философіи и исторіи, — вопросъ, который тогда многимъ казался разрѣшимымъ или въ смыслѣ полного подчиненія историческихъ фактовъ философскимъ идеямъ, или въ смыслѣ полного отрѣшенія исторіи отъ философіи. Какъ историкъ, „уважающій свою науку“, Грановскій не могъ примѣнуть ни къ одному изъ этихъ двухъ рѣшеній, и

¹⁾ Тамъ же, стр. 317.

его рѣшеніе вопроса, разумѣется, нельзя не назвать единственно правильнымъ. Правда, въ отрывкѣ 1839 г. онъ говоритъ иногда нѣсколько туманнымъ языкомъ ¹⁾, но этого уже нѣтъ въ дальнѣйшихъ изложеніяхъ его взгляда на взаимныя отношенія философіи и исторіи. Въ существенныхъ чертахъ онъ остался вѣренъ своему воззрѣнію на этотъ счетъ и впоследствии. „Быть можетъ, — говоритъ онъ въ актовой рѣчи 1852 г., — ни одна наука не подвергается въ такой степени вліянію господствующихъ философскихъ системъ, какъ исторія. Вліяніе это обнаруживается часто противъ воли самихъ историковъ, упорно отстаивающихъ мнимую самостоятельность своей науки! Содержаніе каждой философской системы рано или поздно дѣлается общимъ достояніемъ, переходя въ область примѣненій, въ литературу, въ ходячія мнѣнія образованныхъ сословій. Изъ этой окружающей его умственной среды заимствуетъ историкъ свою точку зрѣнія и мѣрило, прилагаемое имъ къ описываемымъ событіямъ и дѣламъ“. Указавъ на это весьма естественное под-

¹⁾ „Простое начало, на которомъ основана философія исторіи, есть выражаемое уже въ языкахъ согласіе зримаго съ незримымъ, природы съ духомъ, тождество реальнаго съ идеальнымъ, бытія съ мышленіемъ. Это только двѣ стороны одной сущности, вышедшія изъ одного корня — изъ абсолютнаго или понятія, или, лучше сказать, это — само абсолютное, открывающее себя въ явленіи: оно осуществляетъ и составляетъ зиждительную силу исторіи и природы; субъективный духъ и міръ подчинены одному закону, совершаютъ одинъ и тотъ же процессъ развитія“. Тамъ же, стр. 315—316.

чиненіе историка идеямъ своего вѣка, Грановскій оговаривается, однако, что „между такимъ неизбѣжнымъ и нерѣдко бесовнательнымъ подчиненіемъ фактовъ взятому извнѣ возрѣнію и логическимъ построеніемъ исторіи большое разстояніе“ ¹⁾. Онъ былъ врагомъ того конструирования исторіи, которое было въ такомъ ходу у гегельянцевъ. „Слабая сторона философіи исторіи, — говоритъ онъ еще, — въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время, заключается, по нашему мнѣнію, въ приложеніи логическихъ законовъ въ отдѣльнымъ періодамъ всеобщей исторіи. Осуществленіе этихъ законовъ можетъ быть показано только въ цѣломъ, а не въ частяхъ, какъ бы онѣ ни были значительны“ ²⁾. Вспомнивъ, что съ конца XVIII столѣтія философія исторіи не переставала предъявлять свои права на независимое отъ фактической исторіи значеніе, Грановскій замѣчаетъ, что успѣхъ не оправдалъ этихъ притязаній! „Скажемъ болѣе, — продолжаетъ онъ, — философія исторіи едва ли можетъ быть предметомъ особеннаго, отдѣльнаго отъ всеобщей исторіи, изложенія. Ей принадлежитъ по праву глава въ феноменологіи духа, но спускаясь въ среду частныхъ явленій, нисходя до ихъ оцѣнки, она уклоняется отъ настоящаго своего призванія, заключающагося въ опредѣленіи общихъ законовъ, которымъ подчинена земная жизнь человѣчества, и

¹⁾ Сочиненія Грановскаго, I, 19.

²⁾ Тамъ же, I, 18.

неизбѣжныхъ цѣлей историческаго развитія. Всякое покушеніе съ ея стороны провести рѣзкую черту между событіями, логически необходимыми и случайными, можетъ повести къ значительнымъ ошибкамъ и будетъ болѣе или менѣе носить на себѣ характеръ произвола“¹⁾. Грановскій и тутъ ссылается на неудачу гегелевой попытки.

Занятія философіей не только приучали Грановскаго искать объединенія разрозненнаго матеріала исторіи, но и вообще расширяли его умственный горизонтъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ весьма широко понималъ свою науку. Уже въ наброскѣ 1839 г. онъ упрекалъ Гегеля за то, что тотъ подъ „исторіей разумѣлъ только политическую исторію народовъ, ограничивая такимъ образомъ ея значеніе“²⁾. Чисто внѣшняя политическая исторія, процвѣтавшая въ то время на университетскихъ кафедрахъ, не удовлетворяла Грановскаго, и онъ естественно искалъ сближенія исторіи съ другими науками. Къ мысли объ этой связи онъ возвращался особенно охотно. „Самый кругъ историческихъ источниковъ безпрестанно расширяется, — говоритъ онъ въ своей актовой рѣчи. — Сверхъ словесныхъ и письменныхъ свидѣтельствъ всякаго рода, отъ народной пѣсни до государственной грамоты, онъ принимаетъ въ себя памятники искусствъ и вообще всё произведенія человѣческой дѣятельности, характеризующія данное

¹⁾ Тамъ же, I, 19—20.

²⁾ Сборникъ въ пользу студ. ун. св. Владиміра, 315.

время или народъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что нѣтъ науки, которая не входила бы своими результатами въ составъ всеобщей исторіи, имѣющей передать всѣ видоизмѣненія и вліянія, какимъ подвергалась земная жизнь человѣчества“¹⁾. Ту же мысль онъ повторилъ во введеніи въ начатому имъ учебнику всеобщей исторіи, причемъ отмѣтилъ, что тѣсная связь исторіи съ другими науками налагаетъ и на историка обязанность имѣть общее понятіе о развитіи и современномъ состояніи отдѣльныхъ наукъ²⁾. Самъ Грановскій былъ человѣкъ дѣйствительно образованный, обладалъ весьма разносторонними знаніями. Его занятія литературой начались очень рано и даже отразились на его немногочисленныхъ произведеніяхъ. Стоитъ, далѣе, прочесть „Воспоминанія о Грановскомъ“ его ученика и товарища Кудрявцева, чтобы убѣдиться въ томъ глубокомъ интересѣ въ литературѣ всѣхъ народовъ и временъ, который отличалъ нашего историка. „Онъ, — говоритъ Куд-

¹⁾ Сочиненія Грановскаго, I, 9.

²⁾ „Такое богатство содержанія ставитъ исторію въ тѣсную связь со всѣми другими науками, которыя входятъ въ нее своими результатами, ибо каждая наука обнаруживаетъ большее или меньшее вліяніе на умственный и вещественный бытъ народовъ. Историкъ не обязанъ, да и не можетъ быть всезнающимъ полигисторомъ. Такое требованіе отъ него было бы безразсудно, потому что оно неисполнимо, но онъ обязанъ составить себѣ ясное понятіе о значеніи каждой науки въ общей системѣ человѣческихъ знаній и долженъ быть въ состояніи объяснить своимъ читателямъ или слушателямъ вліяніе отдѣльныхъ наукъ на извѣстные періоды исторіи“. Тамъ же, стр. 452.

рявцевъ, — имѣлъ обычай допрашиваться у поэтическихъ памятниковъ многого не досказаннаго исторіей“¹⁾). Въ Берлинѣ, кромѣ исторіи и философіи, онъ слушалъ лекціи по географіи и юриспруденціи. Въ концѣ своей жизни онъ даже очень серьезно заинтересовался естествознаніемъ. Изъ важныхъ отдѣловъ научнаго знанія онъ оставался чуждъ только политической экономіи. Но не нужно забывать, что историческая школа политической экономіи зарождалась въ то время, когда историческое міросозерцаніе Грановскаго можно было уже считать сложившимся, что интересъ къ общественной сторонѣ жизни народовъ въ ту эпоху вообще имѣлъ чисто политическій и юридическій характеръ, да и послѣднее еще было новинкой, что экономическое направленіе, дѣлающее такіе успѣхи въ исторической наукѣ нашихъ дней, возникло только послѣ смерти Грановскаго, можно сдѣлать, даже лишь на нашихъ глазахъ. Да, не забудемъ этого, и мы поймемъ тогда указанный пробѣлъ въ историческомъ образованіи Грановскаго. Въ данномъ отношеніи онъ былъ сыномъ своего времени, представителемъ той эпохи, когда между исторіей и политической экономіей еще почти не было пунктовъ соприкосновенія²⁾). Вмѣстѣ

¹⁾ Сочиненія *Кудрявцева*, II, 545.

²⁾ Какъ объ экономической исторіи тогда могли разсуждать, см. у *Кудрявцева* (Сочиненія, I, 232) замѣчаніе по поводу книги Бѣка „Государственное хозяйство англичанъ“. Самъ Грановскій думалъ, что политическая экономія нужна лишь для пониманія новой исторіи съ XVI вѣка!

съ тѣмъ, однако, онъ и опережалъ свое время, требуя, чтобы исторія болѣе сближалась съ общественными науками. Въ этомъ смыслѣ не задолго до смерти, будучи деканомъ историко-филологическаго факультета, онъ думалъ о раздѣленіи этого факультета на филологическое и историческое отдѣленія, причемъ предполагалъ внести въ послѣднее „юридическій элементъ“¹⁾. Это показываетъ, въ какомъ направленіи измѣнялось у Грановскаго общее представленіе объ исторіи, которая у его современниковъ считалась „предметомъ“ преимущественно только филологическимъ.

Къ сожалѣнію, сочиненія Грановскаго не даютъ намъ возможности особенно подробно говорить о томъ, какъ онъ смотрѣлъ на отношеніе исторіи къ другимъ наукамъ. Во всякомъ случаѣ это не тотъ шаблонный взглядъ на „вспомогательныя науки“, который былъ въ тѣ времена въ большомъ ходу. Острые замѣчанія Грановскаго, однако, кое-что все-таки намъ дадутъ и здѣсь. Въ одномъ мѣстѣ онъ, напр., говоритъ о важности психологіи „въ изученіи характера, страстей, внутренняго развитія историческихъ дѣятелей“, выражая вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣніе, что „историки нашего времени слишкомъ мало обращаютъ вниманія на психологическій элементъ въ своей наукѣ“²⁾. Грановскаго интересовала при этомъ не одна психологія отдѣльнаго лица, но и психологія народовъ, по крайней мѣрѣ,

¹⁾ Станкевичъ. Т. Н. Грановскій, стр. 294.

²⁾ Сочиненія Грановскаго, II, 276—277.

въ смыслѣ неодинаковой одаренности послѣднихъ въ духовномъ отношеніи. Онъ только считалъ вообще преждевременнымъ строить по этому вопросу какія бы то ни было теоріи, пока не сдѣлано достаточнаго количества психологическихъ наблюдений¹⁾. Конечно, Грановскій хорошо понималъ важное значеніе для исторіи данныхъ лингвистики и филологіи²⁾. Еще у Риттера въ Берлинѣ научился онъ, далѣе, высоко цѣнить и значеніе географіи³⁾. Большія надежды возлагалъ Грановскій вмѣстѣ съ тѣмъ и на статистику, полагая, что „ей предстоитъ совершить для міра нравственныхъ явленій тотъ же подвигъ, каковой совершенъ естественнѣдвнѣемъ въ принадлежащей ему области“⁴⁾. Но особенно, на-

1) „Эдвардсъ поступилъ благоразумно, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о нравственныхъ свойствахъ отдѣльныхъ человѣческихъ породъ. При настоящемъ положеніи наукъ нельзя ожидать удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса; но нельзя также не признать, что опредѣленіе физиологическихъ признаковъ народа тогда только получить настоящее значеніе для исторіи, когда будетъ показана связь этихъ признаковъ съ духовными и нравственными особенностями даннаго племени. Эдвардсъ доказываетъ неизмѣняемость породъ въ физиологическомъ отношеніи. То же самое начало можно провести и въ исторіи нѣкоторыхъ народовъ, сохранившихъ основныя черты своего первобытнаго характера чрезъ всѣ перевороты и внѣшнія вліянія, которымъ они подвергались въ теченіе столѣтій. Надобно пока собирать факты для соображеній“. Тамъ же, I, стр. 117—118.

2) Тамъ же, I, 144 и II, 454.

3) Тамъ же, I, 13.

4) Тамъ же, I, 24.

конецъ, занимала его мысль о томъ значеніи, которое для исторіи должно имѣть естествознаніе.

Эта сторона его историческаго міросозерцанія заслуживаетъ поэтому и особливаго вниманія. Уже въ курсѣ 1839 г. Грановскій проводилъ ту мысль, что исторія должна идти путемъ естествознанія. Черезъ тринадцать лѣтъ, въ своей актовъ рѣчи онъ говорилъ объ этомъ еще рѣзче и опредѣленнѣе. „Исторія, — говорилъ онъ именно, — по необходимости должна выстунить изъ круга наукъ филологическо-юридическихъ, въ которомъ она долго была заключена, на обширное поприще естественныхъ наукъ. Ей, — продолжалъ онъ, — нельзя долѣе уклоняться отъ участія въ рѣшеніи вопросовъ, съ которыми связаны не только тайны прошедшаго, но и доступное человѣку пониманіе будущаго. Дѣйствуя заодно съ антропологіей, она должна обозначить границы, до которыхъ достигали въ развитіи своемъ великія породы человѣчества, и показать намъ ихъ отличительныя, данныя природой и проявленныя въ движеніи событій свойства. Каковъ бы ни былъ окончательный выводъ этихъ изслѣдованій, онъ принесетъ несомнѣнную пользу наукѣ, ибо сообщитъ ей большую положительность и точность“ ¹⁾. Это заявленіе было до такой степени необычно, что тогда же встрѣтило сильный отпоръ со стороны Кудрявцева, который въ своемъ разборѣ рѣчи Грановскаго сдѣлалъ ему весьма вѣскія возраженія,

¹⁾ Тамъ же, I, 12.

указавъ на то, что у исторіи есть свои задачи и свои пути для ихъ рѣшенія, и что исторія, конечно, должна пользоваться результатами естествознанія, не смѣшиваясь, однако, съ послѣднимъ ¹⁾. Впрочемъ, все это увлеченіе Грановскаго естествознаніемъ сосредоточивалось въ концѣ концовъ около одного пункта, именно около вопроса о значеніи человѣческихъ расъ въ исторіи народовъ. Въ одномъ году съ актовою рѣчью Грановскій издалъ со своими примѣчаніями переводъ статьи Эдвардса „О физиологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніи къ исторіи“. „Исслѣдованія Эдвардса, — говоритъ онъ во вступленіи къ этой статьѣ, — обратили на себя общее вниманіе, ибо они показали впервые пользу, какую исторія и этнографія могутъ извлечь изъ естественныхъ наукъ вообще и изъ физиологіи въ особенности. Эдвардсъ доказалъ, приложеніемъ своихъ началъ къ частному случаю, что при рѣшеніи вопросовъ о происхожденіи и родствѣ народовъ естествовѣдѣніе приводитъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и исторія, съ тою только разницею, что данныя, сообщаемыя первымъ, обыкновенно отличаются большею точностью и опредѣленностью“ ²⁾. Что Эдвардсъ „впервые“ показалъ, какую пользу можетъ принести естествознаніе исторіи, это, конечно, было сказано въ увлеченіи. Грановскій самъ упоминаетъ въ другомъ

¹⁾ Сочиненія *Будрявцева*, I, 59—60.

²⁾ Сочиненія *Грановскаго*, I, 29.

мѣстѣ о заслугѣ Нибура, высказавшаго „нѣсколько сильныхъ и плодотворныхъ мыслей о необходимости дать исторіи новыя, заимствованныя изъ естествовѣдѣнія основы“¹⁾; самъ говоритъ, далѣе, и о „великомъ твореніи“ Карла Риттера, указавшемъ на значеніе географическихъ условій для исторіи; самъ, наконецъ, приводитъ длинную выдержку изъ статьи Бэра „О вліяніи внѣшней природы на социальныя отношенія отдѣльныхъ народовъ и исторію человѣчества“²⁾, и тѣмъ самымъ уже совсѣмъ лишаетъ себя права заявлять, что Эдвардсъ впервые указалъ на важность естествознанія для исторіи. Притомъ объ этой важности Грановскій говорилъ лишь по отношенію къ одному вопросу, а этого все-таки было мало для того, чтобы переводить исторію изъ круга наукъ филолого-юридическихъ въ обширный отдѣлъ естествознанія. Вопросъ о человѣческихъ породахъ издавна занималъ Грановскаго³⁾. На идеѣ борьбы расъ основывалъ свои

¹⁾ Тамъ же, I, 11.

²⁾ Тамъ же, I, 14—17.

³⁾ „Только ограниченность или невѣжественность,—писалъ онъ въ 1847 г. въ статьѣ „Историческая литература во Франціи и Германіи“,—могутъ равнодушно смотрѣть на великіе успѣхи химіи и физиологіи. Кромѣ возможности безконечныхъ улучшеній во внѣшнемъ бытѣ общества, дѣло идетъ о рѣшеніи вопросовъ, нерѣшимыхъ во всякой другой сферѣ. Для историка, напримѣръ, различіе породъ человѣческихъ существуетъ, какъ нѣчто данное природою, роковое, необъяснимое ни въ причинахъ, ни въ слѣдствіяхъ. Можно догадываться, что это различіе находится въ тѣсной связи съ началомъ національностей, что

историческія построенія Огюстенъ Тьерри, историкъ, которымъ особенно онъ увлекался въ молодости. Изъ философіи Гегеля Грановскій заимствовалъ свое представленіе о всемірной исторіи, въ которой каждый народъ выступаетъ представителемъ особой идеи, совершаетъ особую миссію. Историческая школа права приучила его пользоваться понятіемъ народнаго духа. Все это ставило передъ Грановскимъ вопросъ о значеніи для исторіи племенныхъ различій народовъ. Гегелевское объясненіе не могло удовлетворить нашего историка. Уже Риттеръ наталкивалъ его на мысль искать объясненія исторіи не въ одномъ процессѣ духовнаго развитія. Въ Москвѣ интересъ Грановскаго къ географіи, а чрезъ нее естественно и къ этнографіи, поддерживали Фроловъ, издававшій „Магазинъ землевѣдѣнія“, и Ефремовъ, читавшій въ университетѣ лекціи по географіи въ духѣ идей Риттера. Наконецъ, близкое общеніе съ Герценомъ должно было также развивать въ Грановскомъ вкусъ къ общимъ вопросамъ естествознанія. Немудрено, что статья Эдвардса, дававшая, какъ ему казалось, „положительный, точный и опредѣленный“ отвѣтъ на вопросъ о по-

оно, какъ тайный дѣятель, участвуетъ въ безконечномъ множествѣ явленій; но одна физиологія въ состояніи въ этомъ случаѣ перевести отъ догадки къ уразумѣнію самого закона. Во многихъ недавно вышедшихъ учебныхъ книгахъ исторіи уже находятся предварительныя свѣдѣнія о переворотахъ и состояніи самой планеты нашей съ указаніемъ на новыя открытія геологін и т. д.“ Тамъ же, стр. 209.

родахъ челоуѣчества, произвела на него сильное впечатлѣніе. Этимъ и объясняется то мѣсто въ рѣчи Грановскаго, противъ котораго возсталъ Кудрявцевъ, несмотря на то, что и послѣдній не думалъ отрицать важности антропологическихъ изслѣдованій для исторіи ¹⁾. Въ сущности Грановскій былъ слишкомъ большой идеалистъ, гуманистъ и даже спиритуалистъ, чтобы сдѣлаться материалистомъ или натуралистомъ въ исторіи. Какъ челоуѣкъ широкаго ума, онъ не могъ бы замкнуться въ рамки какой-либо узкой доктрины, но опять-таки, въ качествѣ челоуѣка съ широкимъ умомъ, онъ не могъ не понимать той пользы, какую исторія могла извлекать изъ естествознанія. Постоянно прислушиваясь къ тому, что говорилось въ областяхъ знанія, чуждыхъ ему, какъ специалисту исторіи, онъ не могъ не отражать на себѣ тѣхъ умственныхъ теченій своего времени, которыя вскорѣ послѣ его смерти нашли самое рельефное и, благодаря этому, самое одностороннее выраженіе свое въ надѣлавшемъ столько шуму трудѣ Бокля. Правда, Грановскій былъ знакомъ далеко не со всѣмъ, что совершалось въ области мысли въ этомъ направленіи. Позитивная философія Конта осталась ему неизвѣстною, но вѣдь и вообще о ней у насъ заговорили лишь въ концѣ шестидесятихъ годовъ. Тѣмъ не менѣе на Грановскомъ чувствуется уже приближеніе того времени, когда такъ широко поставленъ былъ во-

¹⁾ Соч. Кудрявцева, I, 47.

прось о значеніи естествознанія для общественныхъ наукъ.

Это стремленіе Грановскаго поставить исторію въ связь не только съ филологическими и юридическими науками, но и съ философіей и съ естествознаніемъ, лучше всего характеризуетъ широту его научнаго возрѣнія. По его мысли, эта связь притомъ не должна была быть чисто внѣшнею, механическою. Исторія должна была внутренне проникаться философскими идеями, а не просто становиться во внѣшнее отношеніе въ какой-либо системѣ, какъ къ чему-то, для нея совершенно чуждому и постороннему. Такъ же представлялъ себѣ Грановскій и отношеніе исторіи къ естествознанію. Онъ былъ, напримѣръ, недоволенъ тѣмъ, какъ большинство историковъ пользовалось физическою географіей въ своихъ сочиненіяхъ. Снабжая послѣднія „географическими введеніями, заключающими характеристику театра событій“, они этимъ нововведеніемъ не приносили особенной пользы содержанію своихъ историческихъ произведеній, ибо географическіе обзоры у нихъ рѣдко бывали „соединены органически съ дальнѣйшимъ изложеніемъ. Предпославъ, — говоритъ еще Грановскій, — труду своему бѣглый очеркъ описываемой страны и ея произведеній, историкъ съ спокойною совѣстью переходитъ къ другимъ, болѣе знакомымъ ему предметамъ и думаетъ, что вполне удовлетворилъ современнымъ требованіямъ науки. Какъ будто дѣйствіе природы на человѣка не есть постоянное,

какъ будто оно не видоизмѣняется съ каждымъ великимъ шагомъ его на пути образованности? Намъ еще далеко не извѣстны всѣ таинственныя нити, привязывающія народъ къ землѣ, на которой онъ выросъ и изъ которой заимствуетъ не только средства физическаго существованія, но значительную часть своихъ нравственныхъ свойствъ. Распредѣленіе произведеній природы на поверхности земного шара находится въ тѣснѣйшей связи съ судьбою гражданскихъ обществъ“¹⁾. Грановскій хотѣлъ именно, чтобы между исторіей и физическою географіей установилась болѣе органическая связь, чтобы дѣйствіе природы на человѣка разсматривалось, какъ постоянный историческій факторъ, чтобы при опредѣленіи судебъ гражданскихъ обществъ принимались въ расчетъ условія климата и естественныхъ произведеній страны. Хотя, по вѣрному его замѣчанію, еще древніе замѣчали рѣшительное вліяніе географическихъ условій на судьбу народовъ²⁾, многое въ этой области оставалось еще неизвѣстнымъ, и Грановскій ждалъ отъ будущихъ изслѣдованій разъясненія многосторонней связи, какая существуетъ между исторіей народа и природою заселяемой имъ страны.

Современники Грановскаго не всегда понимали всю глубину его взглядовъ на этотъ предметъ. Имъ могло казаться, что мысль о необходимости по-

¹⁾ Сочиненія *Грановскаго*, I, 13.

²⁾ Тамъ же, I, 12.

стоянно слѣдить за вліяніемъ географическихъ условій на историческое движеніе требовала отъ исторической науки какихъ-то жертвъ ея собственными интересами, хотя Грановскій и не говорилъ, что во всѣ свои моменты это движеніе одинаково находится во власти все однихъ и тѣхъ же природныхъ условій. Имъ могло казаться, кромѣ того, что Грановскій лишь односторонне понималъ взаимныя отношенія человѣка и природы, признавая одно дѣйствіе послѣдней на перваго и упуская изъ виду обратное дѣйствіе человѣка на природу ¹⁾. Самъ Грановскій въ той же своей рѣчи заявилъ, что, по его мнѣнію, „Монтескье довелъ мысль о зависимости человѣка отъ природы до такой крайности, что принесъ ей въ жертву самостоятельную дѣятельность духа“ ²⁾.

Мы прослѣдили тѣ научныя вліянія, подъ которыми складывалось историческое міросозерцаніе Грановскаго. Онъ не применилъ къ какой-либо определенной школѣ, заимствовавъ изъ каждой то, что въ ней было наиболѣе научнаго. Философія Гегеля съ ея абстрактнымъ конструированіемъ исторіи могла привлечь къ себѣ Грановскаго только нѣкоторыми своими сторонами, и общій идеалистическій ея характеръ не помѣшалъ Грановскому разглядѣть важное значеніе естествознанія для исторіи, причемъ и въ самомъ увлеченіи своемъ новою

¹⁾ Соч. *Кудрявцева*, I, 49—50.

²⁾ Сочиненія *Грановскаго*, I, 12.

мыслью онъ не дошелъ до крайностей натурализма. Воспитавшись до извѣстной степени на идеяхъ французской либеральной школы историковъ, онъ сумѣлъ тѣмъ не менѣе различить и оцѣнить научные элементы въ нѣмецкой консервативной исторической школѣ права. Признавая заслуги послѣдней, Грановскій, какъ говоритъ его биографъ, „понималъ, что дѣятельность Ганса (профессора философіи, гегельянца, котораго Грановскій слушалъ въ Берлинѣ), пробуждая въ слушателяхъ новыя требованія отъ жизни и науки, такъ же полезна и имѣетъ значеніе, какъ и дѣятельность Савиньи“¹⁾. Но это не былъ эклектизмъ, стремящійся примирить непримиримыя противорѣчія. Натура Грановскаго была художественная, гармоничная, но это отнюдь не была цѣльность узкаго, ограниченнаго, односторонняго, прямолинейнаго ума. Изъ каждаго направленія онъ заимствовалъ то, что въ немъ было наиболѣе цѣннаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ то однородное, что заключали въ себѣ всѣ эти направленія; цѣнно же было въ нихъ то, что дѣлало исторію наукою: этотъ научный характеръ былъ тѣмъ самымъ, что позволяло Грановскому сочетать въ своемъ историческомъ міросозерцаніи идеи столь несходныхъ между собою людей, какъ метафизикъ Гегель и натуралисты Риттеръ или Бэръ, какъ консерваторъ Савиньи и либераль Огюстенъ Тьерри. Это умѣніе примирять на нѣкоторой общей почвѣ,

¹⁾ Станкевичъ, 71.

повидимому, совершенно разнородные элементы проявлялось не только въ научномъ мышленіи, но и въ жизненномъ поведеніи Грановскаго. Всѣ современники, оставившіе намъ свои о немъ воспоминанія, единогласно свидѣтельствуютъ, что и въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ Грановскій обнаруживалъ широкую терпимость, уваженіе къ чужому мнѣнію, умѣніе соглашаться съ вѣрными мыслями, какія онъ находилъ у своихъ противниковъ. Собственные отзывы Грановскаго о нѣкоторыхъ изъ людей, съ которыми онъ не соглашался, отличаются также безпристрастіемъ.

Это широкое пониманіе исторической науки, которая имѣетъ своимъ предметомъ жизнь человѣчества во всемъ ея разнообразіи и многосторонности, составляло главную силу Грановскаго, какъ историка-мыслителя. Позднѣе и на Западѣ, и у насъ научность исторіи отождествляли съ объективизмомъ не въ смыслѣ безпристрастія, которое диктуется историку требованіями истины и требованіями справедливости, а въ смыслѣ безстрастія, индифферентизма, апатическаго, если можно такъ выразиться, отношенія къ предмету изученія. По своей натурѣ съ ея богато развитыми нравственными и общественными инстинктами Грановскій не могъ сочувствовать такому отношенію къ наукѣ. „Систематическое построеніе исторіи, — говоритъ онъ въ автовоой рѣчи, — вызвало противниковъ, которые вдалились въ другую крайность. Защищая факты противъ самоуправнаго обращенія съ ними,

они называютъ всякую попытку внести въ хаосъ событій единство связующихъ и объясняющихъ ихъ идей искаженіемъ непосредственной исторической истины. Дѣло историка должно, по ихъ мнѣнію, заключаться въ вѣрной передачѣ того, что было, т.-е. въ разсказѣ... На историка возлагается обязанность воздерживаться отъ собственныхъ сужденій въ пользу читателей, которымъ исключительно предоставлено право выводить заключенія и толковать по-своему содержаніе предложенныхъ имъ разсказовъ“¹⁾. Еще рѣшительнѣе заявляетъ Грановскій о правѣ историка судить, оцѣнивать въ предисловіи къ „Аббату Сугерію“. „Исторія, — читаемъ мы здѣсь, — можетъ быть равнодушна къ орудіямъ, которыми она дѣйствуетъ, но человекъ не имѣетъ права на такое безстрастіе. Съ его стороны оно было бы грѣхомъ, признакомъ умственного или душевнаго безсилія. Мы не можемъ устранить случая изъ отдѣльной и общей жизни, но нельзя допустить его тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ оцѣнкѣ людей, на которыхъ лежитъ великая отвѣтственность исторической роли. Приговоръ долженъ быть основанъ на вѣрномъ, честномъ изученіи дѣла. Онъ произносится не съ цѣлью тревожить могильный сонъ подсудимаго, а для того, чтобы укрѣпить подверженное безчисленными искушеніямъ нравственное чувство живыхъ, усилить ихъ патріотическую вѣру въ добро и истину“²⁾. Защищая необходи-

¹⁾ Сочиненія Грановскаго, I, 21.

²⁾ Тамъ же, I, 240.

мость внесенія въ исторію „единства связующихъ и объясняющихъ идей“, Грановскій тѣмъ самымъ отстаивалъ обязанность историка высказывать сужденіе о фактахъ, производить ихъ оцѣнку, лишь бы приговоръ основывался „на вѣрномъ, честномъ изученіи дѣла“. Конечно, въ данномъ случаѣ для научности существуетъ немалая опасность, и Грановскій не скрывалъ этой стороны дѣла. Въ своей знаменитой характеристикѣ Александра Великаго онъ самъ признаётся, что, можетъ быть, былъ пристрастенъ къ македонскому завоевателю, не сумѣвъ „устоять противъ собственнаго увлеченія“¹⁾, и нужно замѣтить, что Грановскій, дѣйствительно, слишкомъ поддался „обаянію этого, какъ онъ выразился самъ, властительнаго даже за гробомъ лица“. Воспитанный въ ту эпоху, когда художественные и моральные интересы продолжали еще играть важную роль въ исторической литературѣ, быть можетъ, онъ и не находилъ даже особенно нужнымъ принимать мѣры противъ возможности такихъ увлеченій. „Уличить Нибура въ пристрастіи не трудно, — говоритъ онъ въ своей статьѣ о немъ, — тѣмъ бо-

¹⁾ „Я представилъ вамъ только блѣдный очеркъ Александровой дѣятельности. При всемъ томъ меня, можетъ быть, обвинять въ пристрастіи. Я самъ готовъ въ немъ признаться; но прибавлю, что историку, внимательно изучающему памятники, которые содержатъ въ себѣ подробности о жизни и дѣлахъ македонскаго завоевателя, трудно устоять противъ собственнаго увлеченія, трудно не поддаться обаянію этого властительнаго даже за гробомъ лица“. Тамъ же, I, 371.

дѣе, что онъ не находилъ нужнымъ скрывать своихъ личныхъ мнѣній и считалъ себя въ правѣ произносить рѣшительные приговоры надъ величайшими дѣятелями и событіями всеобщей исторіи; но самыя рѣзкіе и несправедливыя изъ этихъ приговоровъ поучительны для мыслящаго читателя, потому что въ ихъ основаніи почти всегда лежитъ какой-нибудь ускользнувшій отъ вниманія другихъ историковъ фактъ или оскорбленное нравственное чувство. Такой способъ изложенія исторіи, конечно, не можетъ служить образцомъ или примѣромъ для другихъ. Онъ былъ по плечу Нибуру¹⁾. Уже то, что, оправдывая Нибура за его несправедливыя приговоры, Грановскій тѣмъ не менѣе не совѣтовалъ подражать въ этомъ великому историку, свидѣтельствуя, что идеаломъ нашего историка было все-таки безпристрастіе, эта не только нравственная, но и умственная добродѣтель. Грановскій обладалъ ею въ высокой степени и, понимая очень хорошо, какою помѣхою для ученаго можетъ быть всякій національный, вѣроисповѣдный или партійный субъективизмъ, онъ даже предвидѣлъ для русскаго ума возможность „приступить безъ заднихъ мыслей къ разбору преданій, съ которыми болѣе или менѣе связано личное дѣло каждаго европейца“²⁾. Отсюда его нерасположеніе къ узкому націонализму, гдѣ бы онъ ни проявлялся. Его свѣт-

¹⁾ Тамъ же, II, 49.

²⁾ Тамъ же, I, 27.

лый умъ не мирился ни съ какою исключительностью, и онъ во имя той же идеи научнаго значенія исторіи требовалъ, чтобы на нее смотрѣли не черезъ призму національныхъ предразсудковъ. Противники Грановскаго упрекали его въ пристрастіи къ нѣмцамъ. Онъ, дѣйствительно, высоко цѣнилъ германскую науку, но это не мѣшало ему находить, что и этой наукѣ не мало вредилъ національный патріотизмъ. „Національныя предубѣжденія,—говоритъ онъ въ статьѣ „О родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ“,—національныя предубѣжденія и твердая увѣренность въ собственномъ превосходствѣ надъ другими народами имѣли большое вліяніе на господствующія въ Германіи понятія о родной старинѣ. Нѣмецкіе писатели утверждаютъ, что въ эпоху ихъ первыхъ столкновеній съ римлянами германцы уже далеко оставили за собою дикое состояніе, и вслѣдствіе особенныхъ свойствъ, которыми исключительно надѣлила ихъ природа, стояли несравненно выше прочихъ народовъ, проходившихъ чрезъ тѣ же ступени развитія. Всякая попытка объяснить отдѣльныя явленія древне-германскаго характера или быта аналогіями, заимствованными извнѣ, долгое время считалась признакомъ исторической тупости, неспособной оцѣнить германизмъ въ его самостоятельной красотѣ“¹⁾. „Шаткія опоры,—говоритъ онъ еще въ той же статьѣ,—поддерживающія зданіе, воздвигнутое нѣ-

¹⁾ Тамъ же, I, 120.

мецкимъ патриотизмомъ, ищущимъ въ прошедшемъ оправданія своимъ настоящимъ притязаніямъ, съ каждымъ днемъ овазываются несостоятельныѣ¹⁾. Эти національныя предубѣжденія нѣмецкихъ ученыхъ Грановскій порицалъ не за то, что они были нѣмецкія, а за то, что были предубѣжденіями, т. е. не только не имѣли научнаго основанія, но даже прямо противорѣчили элементарнымъ требованіямъ научности. Здѣсь, въ этомъ научномъ духѣ Грановскаго, подвѣрившемся его гуманностью, лежала причина его несочувствія и въ тѣмъ русскимъ ученымъ и писателямъ, которые, по его словамъ, „приняли на слово мистическія толкованія, пущенныя въ ходъ нѣмецкими романтиками“²⁾. Грановскій оберегалъ историческую науку, а съ нею и міросозерцаніе общества не только отъ произвола абстрактной мысли, господствовавшаго въ тогдашней философіи, но и отъ произвола конкретнаго чувства, находившаго свое выраженіе въ той или иной романтикѣ. И здѣсь, и тамъ Грановскій являлся настоящимъ историкомъ,—прежде всего, значить, человѣкомъ науки.

Весьма естественно, что такой ученый не могъ не понимать великаго значенія вопроса о методѣ исторіи, дабы послѣдняя могла стать дѣйствительною наукою. Историческая наука еще далека отъ совершенства, говорилъ Грановскій въ своей акто-

¹⁾ Тамъ же, I, 121.

²⁾ Тамъ же, I, 220.

вой рѣчи, но причины этого лежатъ не въ безсиліи историковъ, а гораздо глубже: „онѣ заключаются въ отсутствіи строгаго метода и въ недовольно ясномъ сознаніи цѣлей нашей науки“¹⁾. „Пока исторія,—замѣчаетъ еще онъ,—не усвоитъ себѣ надлежащаго метода, ее нельзя будетъ называть опытною наукою“²⁾. Не въ одномъ мѣстѣ сочиненій Грановскаго мы находимъ его восторженныя похвалы критическому методу, введенному въ исторію Нибуромъ³⁾. Но критика источниковъ, это — только первый шагъ науки. Важно имѣть принципъ для выдѣленія фактовъ, составляющихъ существенное содержаніе исторіи. Представителю всеобщей исторіи на университетской кафедрѣ объ этомъ приходится вообще особенно думать. Эта мысль естественно занимала и Грановскаго еще во время подготовки его къ профессурѣ, и онъ рѣшилъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что важно въ исторіи все, имѣющее отношеніе къ развитію жизни человѣчества. На этой почвѣ, говоритъ онъ въ наброскѣ 1839 года, — „выборъ фактовъ также получаетъ твердое основаніе: важно то, что характеризуетъ духъ въ его разнообразныхъ переходахъ и дѣйствуетъ, опредѣляя, на его развитіе; но такъ какъ степени этого вліянія различны, то объемъ можетъ быть опредѣленъ болѣе или менѣе по произволу, лишь

¹⁾ Тамъ же, I, 9. Ср. I, 19, примѣч.

²⁾ Тамъ же, I, 23.

³⁾ Тамъ же, I, 10 и статья о Нибурѣ.

бы было правильно опредѣлено соотношеніе фактовъ по степени вліянія“. Въ исторіи это — „великіе люди, цвѣтъ народа, котораго духъ въ нихъ является въ наибольшей красотѣ; между событіями — великіе перевороты, которыми начинаются новыя круги развитія; между положеніями — тѣ, въ которыхъ развитіе достигаетъ полноты своей; наконецъ, между формами — великія общества, въ которыхъ народная жизнь просторнѣе движется и чище выражается: церковь и государство“¹⁾. Этому взгляду на задачу исторіи Грановскій оставался вѣренъ до конца жизни. Онъ не отрицалъ значенія за научнымъ раздѣленіемъ труда, но самого его лично не ввели къ себѣ „частныя изслѣдованія, безъ которыхъ не могла бы двигаться впередъ наука“, ибо „наука употребляетъ ихъ въ дѣло, только какъ матеріаль“²⁾. Въ такихъ из-

1) „Государство, — продолжаетъ Грановскій, — есть самая обширная и существенная изъ внѣшнихъ формъ народа, путеводная нить въ его исторіи, но она не есть высшая, главная; содержаніе, чрезъ которое оно становится выше простого юридическаго учрежденія, получаетъ оно отъ другихъ духовныхъ силъ, именно отъ религіи, въ которыхъ духъ народа гораздо непосредственнѣе и чище отражается. Польза такимъ образомъ понятой исторіи состоитъ теоретически въ познаніи челоуѣка не въ ежедневности бытія, а въ торжествѣ его высочайшихъ подвиговъ, практически въ познаніи закона временъ, которымъ въ обширномъ смыслѣ опредѣляется всякая дѣятельность“. Сборникъ въ пользу студ. университет. св. Владимира, 320.

2) Сочиненія Грановскаго, I, 27.

слѣдованіяхъ онъ притомъ и далеко не былъ ма-стеромъ. Его магистерская диссертація, посвящен-ная анализу историческихъ преданій, не принадле-жить къ числу его лучшихъ работъ. Быть можетъ, обобщая нѣкоторые дѣйствительные факты, онъ и не всегда былъ справедливъ къ авторамъ ученыхъ изслѣдованій вообще. Едва ли, напр., можно без-условно согласиться съ тѣми словами, которыми Грановскій начинаетъ свой разборъ книги Медови-кова о латинскихъ императорахъ въ Константино-полѣ. „Искусство составлять ученые сочиненія, — читаемъ мы здѣсь, — особливо историческаго содер-жанія, въ наше время значительно усовершенство-валось. Писателю, нѣсколько знакомому съ литера-турой предмета, не трудно пріискать въ источни-кахъ нужныя для его сочиненія мѣста и свести ихъ потомъ въ одно цѣлое. Такъ какъ дѣло обык-новенно идетъ о внѣшней полнотѣ и богатствѣ фактовъ, а не о дѣйствительной, въ глубь прони-кающей разработкѣ матеріаловъ, то цѣльное изу-ченіе памятниковъ становится бесполезнымъ и мо-жетъ быть легко замѣнено справками“ ¹⁾. Гранов-скаго привлекала къ себѣ не разработка частно-стей, а подведеніе общихъ итоговъ, что, какъ за-мѣчаетъ онъ, вовсе не такое легкое дѣло, каковымъ оно многимъ представляется ²⁾. И въ этомъ отно-

¹⁾ Тамъ же, II, 119.

²⁾ „Масса совершенныхъ въ теченіе полустолѣтія истори-ческихъ изслѣдованій достигла до колоссальныхъ размѣровъ.“

шеніи, быть можетъ, Грановскій нѣсколько увлеклся, ошибочно, конечно, думая, что въ исторической наукѣ нѣтъ надобности возвращаться къ старымъ темамъ ¹⁾, какъ будто каждое поколѣніе

Мы не знаемъ сами, какимъ богатствомъ располагаемъ. Свести итоги по отдѣльнымъ частямъ, сказать русской публикѣ: вотъ до чего дошла европейская наука въ данномъ вопросѣ, — не такъ легко, какъ думаютъ многіе“. Тамъ же, стр. 120.

¹⁾ „Въ чемъ же заключаются успѣхъ и органической ростъ науки, если каждому поколѣнію и каждому народу должно съизнова передѣлывать все, сдѣланное прежде его предшественниками? Нужно, слѣдовательно, опредѣлить пункты, до которыхъ доведены отдѣльныя изслѣдованія, и указать на требующія дальнѣйшей разработки стороны предметовъ“. Тамъ же, II, 121. Въ этомъ отношеніи Кудравцевъ судилъ вѣрнѣе. „Каждое поколѣніе, — говоритъ онъ въ статьѣ о Данте, — приносить свой собственный опытъ, а вмѣстѣ съ нимъ мѣняется и самый взглядъ на предметъ. Спросите, въ какомъ состояніи находится въ настоящее время изслѣдованіе о Гомерѣ. Каждую минуту можетъ показаться, что вопросъ приведенъ къ окончанію, а между тѣмъ безпрестанно возрождается вновь. Въ исторіи новой европейской литературы немного лучше того. Чѣмъ больше знакомимся съ нею, тѣмъ больше поднимается вновь вопросовъ.. Только-что, кажется, установилось новое воззрѣніе на него (Данте), какъ старое опять усиливается взять перевѣсъ надъ новымъ. Опытъ слѣдуетъ за опытомъ, одинъ приѣмъ смѣняется другимъ, и никто, конечно, не скажетъ, чтобы современныя работы, предпринятыя надъ Дантомъ, какъ бы онѣ ни были удачны, полагали предѣлъ дальнѣйшему изслѣдованію о немъ. Пока не умрутъ историческіе и литературные интересы, дѣятельная мысль не перестанетъ трудиться надъ его твореніями и всегда будутъ надѣяться найти въ нихъ много новаго для себя“. Сочиненія *Кудравцева*, I, 414.

и каждый народъ при общемъ совершенствованіи научнаго метода и расширеніи историческихъ идей не могутъ внести новыхъ элементовъ въ пониманіе стараго, а иногда даже и прямо передѣлать это пониманіе по новому. Впрочемъ, нѣсколько рѣзкія и преувеличенныя заявленія Грановскаго въ этомъ направленіи, быть можетъ, объясняются тѣмъ, что многіе, понимая научность исторіи въ слишкомъ узкомъ и условномъ смыслѣ, не хотѣли видѣть въ Грановскомъ серьезнаго ученаго и думали, что быть такимъ, какъ онъ, историкомъ очень легко. Историческая наука не сводится къ одной критикѣ источниковъ, къ одному анализу фактовъ. Грановскій любилъ оперировать не съ источниками, а съ дознанными изъ нихъ фактами, ставя цѣлью свою не изученіе деталей, а широкія обобщенія. Въ своей статьѣ „О родовомъ бытѣ у древнихъ германцевъ“ онъ уже предчувствуетъ важное и общее значеніе сравнительнаго метода ¹⁾. Еще въ наброскѣ 1839 года онъ, какъ мы видѣли, ставитъ исторіи задачу „наблюдать однообразно повторяющіеся случаи и выводить законы или общія правила“ ²⁾.

Историко-философскіе интересы Грановскаго должны были неминуемо привести его поэтому къ мысли о томъ, что называлось въ его время историческими законами. Въ своемъ некрологѣ Гранов-

¹⁾ Сочиненія *Грановскаго*, I, 120—121, 133, 138, 144.

²⁾ Тамъ же, II, 461.

скаго его товарищъ по профессурѣ Соловьевъ подчеркнулъ, что покойный „началъ свою профессорскую дѣятельность, когда умы молодого поколѣнія были сильно возбуждены великимъ стремленіемъ, господствовавшимъ въ исторической наукѣ, стремленіемъ уяснить законы, которымъ подчинены судьбы чело-вѣчества“ ¹⁾. Это стремленіе, дѣйствительно, обнаруживается уже въ историко-философскомъ наброскѣ 1839 г., причемъ главную задачу науки въ данномъ отношеніи представляетъ собою открытіе и уясненіе закона развитія ²⁾. „Это развитіе или исторія,—говоритъ здѣсь Грановскій,—совершается независимо отъ случая и произвола—по законамъ, какъ явствуетъ изъ простаго заключенія, что всякое великое явленіе, всякое опредѣленное направленіе народной жизни—поэзія и проза, наука и искусство, различныя формы правленія, религиозныя воззрѣнія—имѣютъ въ цѣломъ опредѣленное во времени мѣсто, когда они цвѣтутъ; между тѣмъ какъ искусственные способы доставляютъ имъ только мимолетное и блѣдное бытіе“. Сопоставляя отдѣльныя мѣста, въ которыхъ выражены, къ сожалѣнію, всегда очень кратко взгляды Грановскаго на закономерность исторіи, мы должны, однако, признать, что одинаково со всѣми своими современниками онъ пользуется выраженіемъ „законъ“ въ слишкомъ

¹⁾ *Станкевичъ*, 160.

²⁾ Сборникъ въ пользу студ. университет. св. Владиміра, 317 и слѣд.

общемъ, а потому и въ довольно неопредѣленномъ и допускающемъ разныя толкованія смыслѣ. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, онъ понимаетъ законъ въ смыслѣ этическаго идеала, къ которому должно стремиться человѣчество, — смѣшивая такимъ образомъ совершенно различныя вещи. Такъ, именно, онъ утверждаетъ, что „надъ всѣми открытыми наукою законами историческаго развитія царитъ одинъ верховный, то-есть нравственный законъ, въ осуществленіи котораго состоитъ конечная цѣль человѣчества на землѣ“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ подъ закономъ понимается общій характеръ исторіи того или другаго народа. Исторія Востока, говоритъ Грановскій, „подчинена другимъ законамъ и развивается подъ другими условіями, нежели европейская“²⁾. Онъ еще не возвысился до того общаго представленія, по которому законы одинаково непреложны и въ природѣ, и въ исторіи. Будучи противникомъ фатализма и не обнаруживая полного единообразія въ исторіи отдѣльныхъ народовъ, Грановскій хотѣлъ положить рѣзкую грань между законами природы и исторіи, не замѣчая, съ одной стороны, что отсутствіе однообразія въ исторіи объясняется большею сложностью послѣдней, взаимодействіемъ отдѣльныхъ законовъ, а съ другой — вводя въ исторію такое пониманіе закона, которое само очень недалеко отъ фатализма. „Жизнь чело-

¹⁾ Сочиненія Грановскаго, II, 461.

²⁾ Тамъ же, I, 339.

вѣчества, — говоритъ Грановскій, — подчинена тѣмъ же законамъ, каковымъ подчинена жизнь всей природы, но законъ не одинаково осуществляется въ этихъ двухъ сферахъ. Явленія природы совершаются гораздо однообразнѣе и правильнѣе, чѣмъ явленія исторіи. Растеніе цвѣтетъ и даетъ плодъ въ данную, намъ заранѣе извѣстную пору; животное не можетъ ни растянуть, ни сократить возрастовъ своей жизни. Такого правильнаго, опредѣленнаго развитія нѣтъ въ исторіи. Ей данъ законъ, котораго исполненіе неизбѣжно, но срокъ исполненія не сказанъ — десять лѣтъ или десять вѣковъ, все равно. Законъ стоитъ, какъ цѣль, къ которой неудержимо идетъ человѣчество, но ему нѣтъ дѣла до того, какою дорогою оно идетъ и много ли потратитъ времени на пути“¹⁾).

Это неопредѣленное, а иногда и прямо невѣрное пониманіе закономерности исторіи не приводило Грановскаго, однако, къ фатализму. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ историковъ, которые

1) „Здѣсь-то, — продолжаетъ Грановскій, — вступаетъ во всѣ права свои отдѣльная личность. Здѣсь лицо выступаетъ, не какъ орудіе, а самостоятельно поборникомъ или противникомъ историческаго закона, и принимаетъ на себя по праву отвѣтственность за цѣлые ряды имъ вызванныхъ или задержанныхъ событій. Вотъ почему его характеръ, страсти, внутреннее развитіе становятся для мыслящаго историка важнымъ и глубоко занимательнымъ предметомъ изученія. Къ сожалѣнію, историки нашего времени слишкомъ мало обращаютъ вниманія на психологическій элементъ въ своей наукѣ“. Тамъ же, II, 276—277.

проповѣдуютъ безсиліе человѣка передъ историческимъ рокомъ и слагаютъ съ личности всякую отвѣтственность за ея дѣянія. „Смутно понятая философская мысль, — говоритъ онъ, — мысль о господствующей въ ходѣ историческихъ событій необходимости или законности приняла подъ перомъ нѣкоторыхъ, впрочемъ, весьма даровитыхъ писателей характеръ фатализма. Школа историческаго фатализма снимаетъ съ человѣка нравственную отвѣтственность за его поступки, обращая его въ слѣпое, почти безсознательное орудіе роковыхъ предопредѣленій“ ¹⁾). Онъ тутъ же объясняетъ, что имѣетъ въ виду извѣстнаго произведенія французской исторіографіи, а Соловьевъ въ своемъ некрологѣ Грановскаго сообщаетъ намъ; что онъ „съ большимъ сочувствіемъ отзывался о нѣкоторыхъ статьяхъ Эдгара Кине. Онъ сочувствовалъ въ нихъ порицаніямъ той исторической системы, по которой успѣхъ сообщаетъ уже законность и оправданіе событіямъ и которая исключаетъ справедливую оцѣнку благородныхъ началъ или явленій, если они были заглушены или побѣждены другими“ ²⁾). Самъ Грановскій въ автографѣ, характеризую эту школу, отмѣтилъ, что ея „вліяніе обозначено печальными слѣдами не только въ наукѣ, но и въ жизни“. „Смѣемъ сказать, — прибавляетъ онъ, — что такое возрѣніе на исторію послужитъ будущимъ поколѣніямъ горькою

¹⁾ Тамъ же, I, 20.

²⁾ *Станкевичъ*, 287—288.

уликою противъ усталого и утратившаго вѣру въ достоинство человѣческой природы общества, среди котораго оно возникло“¹⁾.

Закономѣрность исторіи Грановскій понималъ главнымъ образомъ въ смыслѣ ея органичности. Въ этомъ отношеніи на его міросозерцаніи съ особою силою сказалось вліяніе Савиньи и вообще науки XIX в. Уже во вступленіи въ курсъ 1839 г. онъ указывалъ на то, что самою плодотворною изъ идей, внесенныхъ философіей въ исторію, является „идея органической жизни. Она, — поясняетъ онъ, — произвела въ послѣднія два или три десятилѣтія перемѣну въ обработываніи исторіи и другихъ наукъ, какъ-то — языкованія. Она, — прибавляетъ онъ еще, — сообщила внутреннее единство, существенное условіе всеобщей исторіи“²⁾. „Смотря на исторію разумно, — говорилъ Грановскій въ своемъ курсѣ 1843 — 1844 гг., — увидимъ, что въ ней господствуетъ органическое развитіе“³⁾. Въ началѣ своей дѣятельности онъ понималъ это историческое развитіе по аналогіи съ индивидуальнымъ, причѣмъ прилагалъ идею организма къ цѣлому человѣчеству⁴⁾. Идея органическаго развитія, дѣйствительно, играетъ видную роль въ исторіи научныхъ идей XIX в., но уже родоначальники этой идеи стреми-

¹⁾ Сочиненія Грановскаго, I, 20 и 21.

²⁾ Сборникъ въ пользу студ. унив. св. Владиміра, 317.

³⁾ Тамъ же, 323.

⁴⁾ Тамъ же, 320 и слѣд.

лись изгнать изъ исторіи идею преднамѣреннаго личнаго творчества, унизить до чрезвычайности роль личности въ исторіи. Грановскій не могъ примириться съ подобнымъ толкованіемъ историческаго процесса. Правда, онъ заявлялъ свое несогласіе съ тѣмъ преувеличеннымъ представленіемъ, какое имѣли историки XVIII в. о личномъ, большею частью случайномъ, дѣйствіи въ исторіи. Онъ понималъ, что такое объясненіе историческихъ событій приписываетъ все бессмысленному владычеству случая, а это какъ нельзя болѣе противорѣчило тому органическому взгляду на исторію, который былъ порожденъ новымъ научнымъ движеніемъ ¹⁾.

1) „Историки XVIII столѣтія любили объяснять великія событія мелкими причинами. Въ такихъ сближеніяхъ высказывалось не одно остроуміе писателей, но задушевная мысль вѣка, не вѣрившаго въ органическую жизнь человѣчества, подчинявшаго его судьбу своенравному вліянію личной воли и личныхъ страстей. Исходя изъ этого начала, не трудно было придти къ убѣжденію, что въ исторіи, преданной господству случая, нѣтъ ничего несбыточнаго, что для дѣлѣхъ народовъ возможны *salta mortali* — скачки изъ одного порядка вещей въ другой, отдѣленный отъ него длиннымъ рядомъ ступеней развитія. Наше время перестало вѣрить въ бессмысленное владычество случая. Новая наука, философія исторіи, поставила на его мѣсто законъ или, лучше сказать, необходимость. Выѣстъ съ случаемъ утратила большую часть своего значенія въ исторіи отдѣльная личность. Наука предоставила ей только честь или позоръ быть орудіемъ стоящихъ на очереди къ исполненію историческихъ идей. Разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія, событія получили иной, болѣе строгій и величавый характеръ; они явились не результатомъ человѣческаго произвола, а не-

Но вмѣстѣ съ этимъ Грановскій не могъ не видѣть, что исторію нельзя свести къ одному простому чисто механическому или стихійному процессу. „У исторіи, — говоритъ онъ, — двѣ стороны: въ одной намъ является свободное творчество духа человѣческаго, въ другой — независимыя отъ него, данныя природою условія его дѣятельности. Новый методъ долженъ возникнуть изъ внимательнаго изученія фактовъ міра духовнаго и природы въ ихъ взаимодействіи. Только такимъ образомъ можно достигнуть до прочныхъ, основныхъ началъ, т.-е. до яснаго знанія законовъ, опредѣляющихъ движеніе историческихъ событій“¹⁾. Грановскій хорошо понималъ всю ненаучность того взгляда на личность, который господствовалъ въ XVIII вѣкѣ. Ученіе исторической школы объ органическомъ развитіи было благодѣтельной реакціей противъ этого возрѣнія. Но Грановскій, благодаря широтѣ своего ума, не могъ подчиниться крайностямъ этой реакціи. Съ точки зрѣнія философіи Гегеля, съ точки зрѣнія исторической школы права, съ точки зрѣнія естествознанія человѣческая личность могла казаться чѣмъ-то неимѣющимъ самостоятельнаго значенія. Но съ точки зрѣнія исторіи, которая имѣетъ дѣло прежде всего съ живыми людьми, этого быть не

избѣжнымъ, роковымъ выводомъ прошедшаго, началомъ, напередъ опредѣляющимъ будущее“. Сочиненія *Грановскаго*, II, 275—276.

¹⁾ Тамъ же, I, 22—23.

могло. Въ отрывкѣ 1839 г. Грановскій, повидимому, еще вполне стоитъ на точкѣ зрѣнія „народнаго духа“, въ которомъ историческая школа права видѣла начало и конецъ всякаго историческаго объясненія. „Народъ,—говоритъ онъ здѣсь,—не есть скопленіе внѣшне-соединенныхъ лицъ, но живое единство, система многообразныхъ силъ, надъ которыми владычествуетъ одна основная сила. Причины его существенныхъ измѣненій лежатъ въ немъ самомъ. Основная сила есть народный духъ, который, при безвѣчномъ разнообразіи лицъ и круговъ, къ которымъ они принадлежатъ: племена, общины, кланы, — отражается во всемъ и, несмотря на разнородность частныхъ цѣлей, удерживаетъ одно общее направленіе. Народъ не составляется атомистически вслѣдствіе произвола, соглашенія или гнета обстоятельствъ, такъ же какъ языкъ его произвольно сочиняется. При всемъ могуществѣ внѣшнихъ вліяній, котораго отрицать невозможно, внутренняя сущность народа, его особенность выходить не изъ нихъ. Духъ его — живая, дѣятельная сила, а не страдательная масса; онъ усваиваетъ себѣ все происходящее извнѣ и владетъ на него свою печать, какъ господинъ и хозяинъ“¹⁾). Въ этихъ словахъ, несомнѣнно, сказалось на Грановскомъ вліяніе школы Савиньи. На совершенно такой же идеѣ строило свои историческіе взгляды и то русское общественное направленіе, которое встрѣтило въ Грановскомъ

¹⁾ Сборникъ въ пользу студ. унив. св. Владиміра, 317.

сильную противъ себя оппозицію. Сохранивъ зерно истины, какое заключается въ ученіи Савиньи о народномъ духѣ, Грановскій впоследствии не хотѣлъ уже видѣть въ народномъ духѣ выраженія общаго непогрѣшимаго разума. Не стихійное развитіе вложенныхъ въ народъ задатковъ, а сознательная дѣятельность личной мысли стала казаться ему главнымъ факторомъ историческаго процесса. Вотъ что писалъ онъ въ 1847 году: „Онѣ (т.-е. массы) воснѣютъ подѣ тяжестью историческихъ и естественныхъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мыслью только отдѣльная человѣческая личность. Въ этомъ разложеніи массъ мыслью заключается процессъ исторіи. Ея задача— нравственная, просвѣщенная, независимая отъ роковыхъ опредѣленій личность и своеобразное требованіямъ такой личности общество“¹⁾. Въ этихъ немногихъ словахъ заключается уже совершенно иное пониманіе исторіи—познание ея, какъ процесса, въ которомъ дѣйствуетъ личная мысль, личное сознание. Историкъ, изучавшій развитіе западноевропейскихъ народовъ и слѣдившій за современною ему общественною борьбою, не могъ, конечно, иначе понять роль личнаго начала въ исторіи. Это не мѣшало ему, однако, попрежнему интересоваться индивидуальными особенностями національныхъ характеровъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и въ общемъ пониманіи этого вопроса Грановскій ушелъ впередъ

¹⁾ Сочиненія Грановскаго, II, 220.

сравнительно съ тѣмъ, какъ представлялось ему дѣло сначала. Конечно, по отношенію къ „абстрактному представленію объ общечеловѣческой природѣ“, господствовавшему въ XVIII в., „признаніе индивидуальных особенностей національных характеровъ“ было великимъ шагомъ впередъ ¹⁾, но новое направленіе, сосредоточивъ свое вниманіе на народномъ духѣ, забывало, что народъ состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей, въ каждой изъ которыхъ проявляется общечеловѣческая природа. Грановскій внесъ не только эту поправку въ новое историческое представленіе, но обратился еще къ антропологии, чтобы въ физиологическихъ особенностяхъ человѣческихъ породъ, а не въ абстрактныхъ построеніяхъ нѣмецкой философіи и не въ фантазіяхъ политической романтики искать объясненія національныхъ различій.

Мы, конечно, не станемъ утверждать, чтобы Грановскій сумѣлъ разрѣшить научную загадку— о взаимныхъ отношеніяхъ между индивидуальнымъ и общимъ въ исторіи. Достаточно того, что онъ признавалъ значеніе личнаго начала съ его сознательнымъ дѣйствіемъ, съ его жизненною борьбою. Въ Грановскомъ не могъ упрочиться взглядъ нѣмецкой исторической школы о чисто органическомъ, такъ сказать, безболѣзненномъ и мирномъ историческомъ процессѣ. Вообще можно вмѣстѣ съ сенъсимонистами и Огюстомъ Контомъ принять, что въ

¹⁾ Сборникъ въ пользу студ. университет. св. Владиміра, стр. 315

исторіи бываютъ двойного рода эпохи: эпохи органическія и критическія. Нѣмецкая историческая школа годилась для объясненія первыхъ, но во вторыхъ ея идеи были неприменимы. Между тѣмъ на нихъ-то и сосредоточивались интересъ и вниманіе Грановскаго. Въ 1849 году онъ читалъ частнымъ образомъ лекцію о переходныхъ эпохахъ въ исторіи человѣчества и въ самомъ началѣ лекціи сдѣлалъ такое характерное заявленіе. „При самомъ началѣ моихъ занятій исторіей, — сказалъ онъ, — эти начальныя эпохи приковали къ себѣ мое вниманіе. Меня влекла къ нимъ не одна трагическая красота, въ которую онѣ облечены, а желаніе услышать послѣднее слово всякаго отходившаго, начальную мысль зарождавшагося порядка вещей. Мнѣ казалось, что только здѣсь возможно опытному уху подслушать таинственный ростъ исторіи, поймать ее на творческомъ дѣлѣ. И если долгое, глубокое изученіе не исполнило моихъ желаній, оно не охладило моихъ надеждъ“¹⁾. Переходныя эпохи, это — то самое, что сенъ-симонисты и Огюсть Контъ называли эпохами критическими. Это не времена развитія уже данныхъ началъ, а времена паденія стараго и зарожденія новаго. Въ такія эпохи совершается борьба между отживающими и вновь возникшими началами, и если Грановскій съ особымъ интересомъ и сочувствіемъ относился именно къ такимъ эпохамъ, то именно потому, что понималъ жизнь

¹⁾ Станкевичъ, 264—265.

гораздо шире, нежели понимала ее нѣмецкая историческая школа, не видѣвшая этой стороны исторіи.

Общій вопросъ о роли личности въ исторіи представлялся уму Грановскаго, главнымъ образомъ, въ одной изъ своихъ частныхъ формъ, но зато въ формѣ, такъ сказать, наиболѣе бросающейся въ глаза при первомъ приближеніи къ этому предмету. Мы говоримъ, конечно, о великихъ людяхъ, объ ихъ историческомъ значеніи. Таковой вопросъ неизбѣжно предъ каждымъ мыслящимъ историкомъ ставили новыя направленія въ наукѣ, ибо онѣ совершенно подрывали тотъ культъ героевъ, которымъ характеризуется историческое міросозерцаніе XVIII в. О значеніи великаго человѣка, какъ выразителя назрѣвшихъ потребностей эпохи и, слѣдовательно, какъ о ея порожденіи, весьма краснорѣчиво говорилъ Гизо. Съ своей стороны, Гегель создалъ цѣлую теорію великихъ людей, превративъ ихъ въ орудія, осуществляющія цѣли всемірнаго духа. Въ этомъ подчиненномъ значеніи признавалъ и Грановскій роль великихъ людей въ исторіи. Но онъ не соглашался разлагать ихъ безъ остатка на элементы окружающей среды, не относя ничего на счетъ личныхъ свойствъ самого историческаго дѣятеля. „При изученіи, — говорилъ онъ, — каждаго великаго человѣка мы должны обратить вниманіе на личность его, на почву, на которой онъ выросъ, на время, въ которое онъ дѣйствовалъ. Изъ этого тройнаго элемента слагается его жизнь и дѣятельность. Задача трудная, рѣшеніе которой предоста-

влево, если можно такъ выразиться, особенной исторической психологіи, имѣющей цѣлью, устранить временныя и мѣстныя вліянія, видоизмѣняющія частныя свойства лица“¹⁾. Въ исторіи народовъ и эпохъ Грановскій не забывалъ человѣка, его личности, того, что ей принадлежитъ одной, независимо отъ окружающихъ ее условій мѣста и времени. Онъ спрашивалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что связано съ названіемъ великаго человѣка, въ чемъ заключается призваніе въ исторіи людей, означенныхъ именемъ великихъ. „Вопросъ этотъ, — говорилъ онъ въ своей публичной лекціи о Тимурѣ, — не лишенъ нѣкоторой современности. Еще недавно поднимались голоса, отрицавшіе необходимость великихъ людей въ исторіи, утверждавшіе, что роль ихъ кончена, что народы сами, безъ ихъ посредства, могутъ исполнять свое историческое назначеніе. Все равно сказать бы, что одна изъ силъ, дѣйствующихъ въ природѣ, утратила свое значеніе, что одинъ изъ органовъ человѣческаго тѣла теперь сталъ ненуженъ. Такое возрѣніе на исторію, — продолжаетъ Грановскій, — возможно только при самомъ легкомъ и поверхностномъ на нее взглядѣ. Но тотъ, для кого она является не мертвою буквою, кто привыкъ прислушиваться къ ея таинственному року, видитъ въ великихъ людяхъ избранниковъ Провидѣнія, призванныхъ на землю совершить то, что лежитъ въ потребностяхъ данной эпохи, въ

¹⁾ Сочиненія Грановскаго, I, 338—339.

вѣрованіяхъ и желаніяхъ даннаго времени, даннаго народа. Народъ есть нѣчто собирательное. Его собирательная мысль, его собирательная воля должны, для обнаруженія себя, претвориться въ мысль и волю одного, одареннаго особенно чуткимъ нравственнымъ слухомъ, особенно зоркимъ умственнымъ взглядомъ лица. Такія лица облачаютъ въ живое слово то, что до нихъ таилось въ народной думѣ, и обращаютъ въ видимый подвигъ неясныя стремленія и желанія своихъ соотечественниковъ или современниковъ. Но съ приведеннымъ мною прежде мнѣніемъ соединяется другое, столь же неосновательное, по которому великіе люди являются чѣмъ-то случайнымъ, чѣмъ-то такимъ, безъ чего можно обойтись. Замѣтимъ по этому поводу, что великая роль случая допускается только въ эпохи умственнаго и нравственнаго ослабленія, когда человѣкъ перестаетъ вѣрить въ законное движеніе событій, когда онъ терлетъ изъ виду божественную связь, охватывающую всю жизнь человѣчества¹⁾. Въ этихъ словахъ наиболѣе полно выразился взглядъ Грановскаго на великихъ людей. Мы не будемъ разбирать его, чтобы рѣшить, въ чемъ можно и въ чемъ нельзя согласиться въ этомъ взглядѣ. Мы отмѣчаемъ его, какъ одно изъ проявленій того общаго воззрѣнія, которое было въ большомъ ходу у историковъ и философовъ середины XIX в. Великіе люди суть люди провиденціальные, призываемые въ

¹⁾ Тамъ же, I, 337—338.

разрѣшенію важныхъ историческихъ задачъ, на-
зрѣвшихъ общественныхъ вопросовъ, претворяющіе
въ себѣ коллективныя мысль и волю народа. Здѣсь
личность представляется Грановскому съ другой
стороны, нежели тамъ, гдѣ онъ говоритъ о разло-
женіи личностью той стихійности, которая господ-
ствуетъ въ народномъ духѣ. Въ этомъ, однако, нѣтъ
противорѣчія: въ разныхъ мѣстахъ Грановскій от-
мѣтилъ лишь разныя стороны въ тѣхъ отношеніяхъ,
какія существуютъ между выдающеюся личностью
и массою обыкновенныхъ смертныхъ. Грановскій
былъ слишкомъ большимъ историкомъ для того,
чтобы смотрѣть на людей лишь съ какою-либо одной,
предвзятой точки зрѣнія, такъ сказать, подѣ однимъ
только угломъ. Сколько пониманія личныхъ особен-
ностей историческихъ дѣятелей и различной роли,
какую они играютъ въ исторіи, заключаетъ въ себѣ
хотя бы это превосходное мѣсто изъ заключенія къ
характеристикѣ Людовика IX: „Разсматривая съ
вершины настоящаго погребальное шествіе наро-
довъ къ великому кладбищу исторіи, нельзя не
замѣтить на вождяхъ этого шествія двухъ особенно
рѣзкихъ типовъ, которые встрѣчаются преимуще-
ственно на распутіяхъ народной жизни, въ такъ
называемыя переходныя эпохи. Одни отмѣчены пе-
чатью гордой и самонадѣянной силы. Эти люди
идутъ смѣло впередъ, не спотыкаясь на развалины
прошедшаго. Природа одаряетъ ихъ особенно чут-
кимъ слухомъ и зоркимъ глазомъ, но нерѣдко
отказываетъ имъ въ любви и поэзій. Сердце ихъ

не отзывается на грустные звуки былого. Зато за ними право побѣды, право историческаго успѣха. Большое право на личное сочувствіе историка имѣютъ другіе дѣятели, въ лицѣ которыхъ воплощается вся красота и все достоинство отходящаго времени. Они его лучшіе представители и доблестные защитники¹⁾.

Какъ же, однако, — можно спросить себя, — долженъ былъ Грановскій мирить свое представленіе о дѣятельности великихъ людей, о роли личности въ исторіи съ новой идеей объ органичности исторіи, о ея законѣрномъ ходѣ? На этотъ вопросъ мы находимъ отвѣтъ совершенно ясный у самого Грановскаго. Въ статьѣ о реформаціи въ Англии, заговоривъ о 'перемѣнѣ, происшедшей въ поведеніи Генриха VIII, онъ указываетъ на то, какое значеніе приписывали случаю въ XVIII столѣтіи. „Наше время, — продолжаетъ онъ, — перестало вѣрить въ бессмысленное владычество случая. Новая наука, философія исторіи, поставила на его мѣсто законъ, или, лучше сказать, необходимость. вмѣстѣ съ случаемъ утратила большую часть своего значенія въ исторіи отдѣльная личность. Наука предоставила ей только честь или позоръ быть орудіемъ стоящихъ на очереди въ исполненію историческихъ идей“. Такъ передаетъ Грановскій взглядъ на роль личности, который былъ формулированъ историками и философами XIX столѣтія. „Мы, — говоритъ онъ далѣе, — не станемъ отрицать достоинствъ новаго

¹⁾ Тамъ же, I, 338—339.

воззрѣнія, конечно, болѣе разумнаго, чѣмъ предшествовавшее ему, но не можемъ не замѣтить, что оно такъ же сухо и односторонне¹⁾. Замѣтивъ, что исторіи „данъ законъ, котораго исполненіе неизбежно“, и который стоитъ, какъ цѣль неудержимаго шествія человѣчества, онъ высказываетъ ту мысль, что „здѣсь-то и вступаетъ во всѣ права свои отдѣльная личность. Здѣсь,—говоритъ онъ,—лицо выступаетъ, не какъ орудіе, а самостоятельно, поборникомъ или противникомъ историческаго закона и принимаетъ на себя по праву отвѣтственность за цѣлые ряды имъ вызванныхъ или задержанныхъ событій“¹⁾.

Грановскій не могъ долго держаться той точки зрѣнія, что великіе люди суть только орудія историческаго рока. Историческій фатализмъ былъ ему не по душѣ. Это ученіе устраивало какой бы то ни было нравственный судъ надъ отдѣльными личностями, выступающими въ исторіи. Грановскому нужно было такое пониманіе роли личности, при которомъ ее можно было бы дѣлать отвѣтственною за то, что сама она сдѣлала хорошаго или дурнаго въ своей жизни. Мы видѣли, что самому историческому закону Грановскій придавалъ моральное значеніе. Въ осуществленіи нравственнаго закона онъ видѣлъ вѣчную цѣль человѣчества на землѣ²⁾,—цѣль, въ которой онъ идетъ, по его соб-

¹⁾ Сочиненія Грановскаго, II, 276.

²⁾ Тамъ же, II, 461.

ственному выраженію, „неудержимо“¹⁾. Отдѣльное лицо можетъ явиться самостоятельнымъ дѣятелемъ, то помогая, то препятствуя процессу, осуществляющему нравственный законъ исторіи,—и вотъ за то или другое поведеніе въ этомъ смыслѣ оно и отвѣтствуетъ передъ судомъ историка. Съ другой стороны, этотъ нравственный законъ Грановскій понималъ, какъ мѣрку для оцѣнки людей и событій, и съ точки зрѣнія моральнаго настроенія лица и моральности средствъ, какія оно употребляло въ жизненной борьбѣ: его сочувствіе не всегда было на сторонѣ тѣхъ дѣятелей, которые пользовались успѣхомъ и двигали исторію впередъ, тѣмъ самымъ содѣйствуя историческому прогрессу. Содѣйствіе историческому прогрессу человѣчества нравственными средствами — вотъ что выше всего цѣнилъ Грановскій въ историческомъ дѣятелѣ. Этимъ объясняется та симпатія, съ какою отнесся онъ, напр., къ личности Людовика IX. Правда, этотъ французскій король былъ представителемъ старыхъ, отживавшихъ началъ, но, думалъ Грановскій, „ни поборникамъ старыхъ, ни водворителямъ новыхъ началъ не дано совершить ихъ подвига во всей его чистотѣ и задуманной опредѣленности. Изъ ихъ совокупной дѣятельности Провидѣніе слагаетъ неожиданный и невѣдомый имъ выводъ. Счастливъ тотъ, кто носитъ въ себѣ благое убѣжденіе и можетъ заявить его внѣшнимъ дѣломъ“. Грановскій зналъ

¹⁾ Тамъ же, II, 276.

самъ это счастье, о которомъ онъ здѣсь такъ трогательно и тепло говоритъ, и онъ не думалъ, что лишь однимъ великимъ людямъ дано вкушать это счастье. „На великихъ и на малыхъ, незамѣтныхъ простому глазу, дѣятеляхъ исторіи,—говорилъ онъ самъ,—лежитъ общее всѣмъ людямъ призваніе трудиться въ потѣ лица. Но они несутъ отвѣтственность только за чистоту намѣреній и усердіе исполненія, а не за далекія послѣдствія совершеннаго ими труда. Онъ ложится въ исторію, какъ таинственное сѣмя. Восходъ, богатство и время жатвы принадлежатъ Богу“¹⁾).

Какою-то тихою грустью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и бодрящею вѣрою въ добро вѣтъ на насъ тутъ отъ историческаго міросозерцанія Грановскаго. На его чуткую, впечатлительную душу не могло не дѣйствовать зрѣлище человѣческихъ слезъ и страданій, зрѣлище разбившихся надеждъ и даромъ потраченныхъ усилій, зрѣлище пораженія добрыхъ и торжества злыхъ, но въ то же время, какъ историкъ, онъ не могъ не видѣть прогресса, осуществляемаго исторіей человѣчества. Грановскому пришлось жить и дѣйствовать въ ту эпоху, когда въ философіи исторіи безраздѣльно господствовала оптимистическая вѣра въ человѣческій прогрессъ. Безотрадный пессимизмъ сталъ дѣлать завоеванія лишь во второй половинѣ XIX в. Опять-таки только во второй половинѣ XIX вѣка стало пользоваться

¹⁾ Тамъ же, I, 389.

нѣкоторымъ успѣхомъ возрѣніе, замѣнявшее идею прогресса, улучшенія, совершенствованія идей эволюціи, т.-е. безразличнаго развитія. Съ начала вѣка и во времена самого Грановскаго о прогрессѣ говорили и философы, и поэты, и социальныя утописты, и тотъ же самый прогрессъ былъ главною объединяющею идеею историковъ, а нашъ историкъ воспитался въ духѣ этихъ прогрессивныхъ западныхъ идей.

Уже въ наброскѣ 1839 года Грановскій ставитъ въ заслугу XVIII вѣку, что онъ высказалъ „идею о совершенствованіи, о прогрессѣ челоѵчества. Въ средніе вѣка, — говоритъ онъ здѣсь, — какъ въ древнихъ теократическихъ государствахъ, господствовала нехристіанская мысль о постоянномъ упадкѣ челоѵчества, который начался такъ рано, что времена, непосредственно слѣдующія за Христомъ, назывались *aetas decrepita*... XVIII вѣкъ гордо сознавалъ свои подвиги и смотрѣлъ на дивихъ, съ которыми такъ часто приводили его въ сношенія открытія путешественниковъ и торговля, какъ на первобытныхъ людей, между состояніемъ которыхъ и европейскаго челоѵка лежалъ длинный рядъ ступеней развитія. Необходимость прогресса доказывать было не трудно. Она заключается не въ одномъ стремленіи челоѵка къ улучшенію, но и въ умножающейся непрерывно суммѣ знаній, опытовъ и т. д., которое преданіе хранить для общества“ ¹⁾.

¹⁾ Сборникъ въ пользу студ. унив. св. Владиміра, 373.

Грановскій даже перебираетъ взгляды на прогрессъ, высказывавшіеся отдѣльными мыслителями XVIII в., какъ-то взгляды Кондорсе ¹⁾, Кондильяка ²⁾, Канта ³⁾. Онъ заявляетъ здѣсь, кромѣ того, о своемъ несогласіи съ теоріей „однообразнаго круговращенія“, такъ какъ процессъ исторіи „совершается надъ вѣчно новыми предметами“ ⁴⁾. Если въ исторіи и замѣчается круговращеніе, періоды силы и упадка, то это не исключаетъ прогресса, шествія впередъ человѣчества ⁵⁾. Удивительно, что Грановскій не далъ мѣста развитію этой идеи въ своей актовой рѣчи. Зато въ статьѣ объ исторической литературѣ

¹⁾ „Кондорсе математически вычислилъ необходимость прогресса. Записные историки возстали противъ этой идеи, и справедливо, если подъ человѣчествомъ должно разумѣть всѣхъ жителей земного шара. Исторія являетъ намъ зрѣлище безпрерывныхъ перемѣнъ, процвѣтанія и увяданія, жизни и смерти. Большая часть земли цѣлыя тысячелѣтія погружена въ невѣжество, и нѣкоторыя страны, по природѣ своей, вѣжется, навсегда обречены на такой удѣлъ. Даже у образованныхъ народовъ, при философскомъ изслѣдованіи, оказываются тѣ же страсти, пороки, какъ у дикихъ, слѣдовательно, различіе только внѣшнее“. Тамъ же, стр. 313—314.

²⁾ О послѣдователяхъ философіи Кондильяка Грановскій говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Что цивилизація есть въ то же время источникъ нравственнаго улучшенія, чему, впрочемъ, противорѣчили исторія и дѣйствительность, этого болѣе желали, но не рѣшались говорить утвердительно“. Тамъ же, 314.

³⁾ Тамъ же, 315.

⁴⁾ Тамъ же, 318.

⁵⁾ Тамъ же, 321.

въ 1847 г. мы находимъ такое изложеніе взгляда нашего историка на этотъ предметъ: „Прогрессивное движеніе человѣчества, — именно говорить здѣсь Грановскій, — перестало быть вопросомъ для большинства мыслящихъ людей нашего вѣка, но излучистый ходъ этого движенія, его внѣшняя неправильность вызываютъ со стороны его упрямыхъ отрицателей нѣкоторые возраженія, не лишенныя правдоподобія. Ихъ теорія опирается преимущественно на двойственномъ характерѣ прогресса, который, если его разсматривать только съ одной стороны, всегда является порчею чего-нибудь существующаго, извѣстнаго, въ пользу еще не существующаго, не вызваннаго къ жизни. Такое постепенное искаженіе формы, осужденной на смерть, можетъ продолжаться долго и быть тѣмъ оскорбительнѣе, чѣмъ прекраснѣе она была въ порѣ своей зрѣлости, чѣмъ неопредѣленнѣе выступаютъ наружу очертанія новой, не сложившейся формы. Но ссылка на это явленіе, много разъ повторявшееся въ судьбѣ цѣлаго человѣчества и каждаго отдѣльнаго историческаго народа, обнаруживаетъ въ защитникахъ теоріи попятнаго движенія односторонность взгляда или, что часто бываетъ, недобросовѣстную, добровольную слѣпоту“ ¹⁾. Читая эти строки, мы невольно вспоминаемъ особый интересъ Грановскаго къ переходнымъ эпохамъ, ко временамъ отживанія старыхъ началъ и зарожденія новыхъ, вспоминаемъ раздѣ-

¹⁾ Сочиненія Грановскаго, II, 254.

леніе имъ историческихъ дѣятелей на поборниковъ именно или отживающихъ, или зарождающихся „историческихъ идей“, вспоминаемъ и его замѣчанія относительно того, какъ изъ противоположныхъ стремленій вырабатывается единственный процессъ историческаго развитія. Въ общемъ это развитіе прогрессивно, но у Грановскаго, къ сожалѣнію, не совсѣмъ ясно разграничены два разные оттѣнка въ единомъ понятіи прогресса, — съ одной стороны, творчество исторіей все новыхъ и новыхъ формъ, неповторяемость пережитыхъ моментовъ, съ другой — улучшение, совершенствованіе челоувѣчества. Новизна не всегда прогрессивна, но это Грановскій не считалъ, повидимому, нужнымъ отмѣтить, а къ этому онъ могъ бы еще прибавить, какъ бываетъ трудно всегда предвидѣть, что приносятъ съ собою челоувѣчеству только-что зарождающіяся формы жизни ¹⁾.

¹⁾ Относительно этого есть у Грановскаго одно очень красивое мѣсто, но мы его приводимъ лишь въ подстрочномъ примѣчаніи потому, что оно болѣе красиво, чѣмъ содержательно. Вотъ это мѣсто.

„Выраженіе, которое Фридрихъ Шлегель употребилъ, говоря объ исторіи, можно справедливо отнести и къ философіи: она есть пророкъ, обращенный къ минувшему. Она идетъ за исторіей, какъ сознаніе за поступкомъ. Изъ волнующейся дѣятельности она принимаетъ въ себя только идеи совершившихся событій, ихъ духовный отсѣдокъ, die Mütter (матерей) явленій, о которыхъ Мефистофель говоритъ Фаусту... На рубежѣ между замыкающимся и возникающимъ періодами историческаго развитія философія становится двуликимъ Янусомъ. Но выраженіе этихъ двухъ лицъ неодинаково: обращенное вспять, къ быломu, спокойно и строго: недвижныя черты утра-

Если бы спросили Грановскаго, считаетъ ли онъ себя обязаннымъ содѣйствовать прогрессу въ смыслѣ постоянной смѣны новаго старымъ безъ всякаго отношенія къ тому, какъ это отражалось бы на благѣ человечества, онъ, конечно, отвѣтилъ бы на такой вопросъ въ смыслѣ пониманія прогресса, только какъ совершенствованія. И онъ не могъ иначе отвѣтить. Грановскій ставилъ историческому процессу идеальную цѣль, отождествляя послѣднюю съ нравственнымъ закономъ. Для осуществленія этой цѣли онъ приглашаетъ трудиться въ потѣ лица и великихъ, и малыхъ дѣятелей исторіи, возлагая на нихъ нравственную отвѣтственность за чистоту намѣренія и усердіе исполненія. „Теплымъ участіемъ въ прошедшихъ и будущихъ судьбахъ человечества, — говоритъ онъ еще въ одномъ мѣстѣ, — мы расширяемъ объемъ нашего личнаго существованія и дѣлаемся нѣкоторымъ образомъ причастными всѣмъ уже совершеннымъ или еще имѣющимъ совершиться подвигамъ добра и просвѣщенія“ ¹⁾.

тили возможность отражать летучія впечатлѣнія бытія; видно, что тревога явленій утихла, что расчетъ съ жизнью конченъ, что она отвѣтила на предложенные ей вопросы. Не такъ смотритъ въ даль ликъ, устремленный къ будущему; безпокойная мысль бродитъ на челѣ; въ очахъ видно юношеское чаяніе, нетерпѣливыя требованія. Но это чаяніе неясно, требованіе неопредѣленно. Отрицая настоящее, философія оправдываетъ наступающее время, хотя она не признаетъ его, и рано или поздно разлагаетъ его такъ же, какъ разложила его предшественниковъ“. Тамъ же, II, 253.

¹⁾ Тамъ же, II, 461.

Въ историческомъ міросозерцаніи Грановскаго вопросы о значеніи личнаго дѣйствія въ исторіи и о совершенствованіи человѣчества имѣли не одно теоретическое, но и практическое значеніе. Смотря на исторію прежде всего, какъ на науку, внося въ эту науку философскія идеи своего вѣка, со-грѣвая холодъ отвлеченнаго созерцанія прошлыхъ судебъ человѣчества этическимъ отношеніемъ къ этому самому человѣчеству, онъ хотѣлъ, чтобы наша наука была наставницею жизни, чтобы философія служила улучшенію жизни, чтобы теплое участіе въ судьбамъ человѣчества подвигало насъ на работу въ потѣ лица во имя идей добра и просвѣщенія. Вотъ поэтому историческое міросозерцаніе Грановскаго и имѣло не только теоретическое, но и практическое значеніе, было не только дѣломъ научнаго или философскаго мышленія, но и дѣломъ нравственнаго и общественнаго воспитанія современниковъ. Если Грановскій относился отрицательно къ тому чисто практическому значенію, какое хотѣли придать исторіи древніе, то не потому, что вообще не признавалъ пракческаго значенія за исторіей и въ наше время ¹⁾, а потому, что пони-

¹⁾ Вотъ что по этому поводу писалъ Кудрявцевъ въ своей статьѣ объ актовой рѣчи Грановскаго. „Г. Грановскій не отрицаетъ совершенно пракческаго характера исторіи и въ наше время: онъ только не приписываетъ этому направленію особенной важности въ настоящемъ состояніи науки, пока еще не открыты постоянные историческіе законы и не приведены въ ясность вѣчныя цѣли и предѣлы, поставленные развитію

малъ его гораздо шире. Вопросъ о пользѣ исторіи Грановскій ставилъ себѣ, еще готовясь къ профессурѣ. Уже въ извѣстномъ намъ наброскѣ 1839 г. онъ говоритъ о томъ, что польза философски понятой исторіи заключается „практически въ познаніи закона времени, которымъ въ обширномъ смыслѣ опредѣляется всякая дѣятельность“¹⁾. Эта нѣсколько туманная мысль Грановскаго проясняется и получаетъ рѣзкія очертанія въ послѣдующихъ заявленіяхъ его о томъ же самомъ предметѣ. Въ 1848 г., приступая къ обзору содержанія книги Одена о Генрихѣ VIII Англійскомъ, Грановскій высказываетъ нѣсколько общихъ мыслей о пользѣ исторіи. „Несмотря, — говоритъ онъ, — на блестящіе успѣхи, совершенные въ теченіе нашего столѣтія историческими науками, никогда, быть можетъ, практическая польза изученія исторіи не подвергалась такимъ сомнѣніямъ, какъ въ настоящее время. Вызванный педантскими притязаніями Юганна Мюл-

человѣческихъ обществъ Провидѣніемъ. По его мнѣнію, въ болѣе отдаленномъ будущемъ предстоить исторіи великое назначеніе — быть въ самомъ высочомъ и обширномъ смыслѣ слова наставницею какъ цѣлыхъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ. Безъ всякаго сомнѣнія, у исторіи есть великое будущее; возможность дальнѣйшаго существованія остается для нея попрежнему, несмотря на всѣ блестящіе открытія и успѣхи ея въ современности. Но безъ сравненія съ тѣмъ, чего еще она можетъ достигнуть впереди, нельзя, кажется, не признать ея весьма тѣснаго отношенія къ дѣйствительности въ наше время“.

Сочиненія *Кудрявцева*, I, 42—43.

¹⁾ Сборникъ въ пользу студ. унив. св. Владиміра, 320.

лера и его школы парадоксъ Гегеля, сказавшаго, что исторія никогда никого ничему не научила, нашелъ большое сочувствіе, особливо въ той части публики, которая радуется всякому оправданію своей умственной лѣни... Съ другой стороны, быстрая смѣна событій, число явленій, такъ неожиданно и рѣзко измѣнившихъ характеръ европейскихъ обществъ, ввела въ раздумье много мыслящихъ и положительныхъ людей. Неразрѣшимою и грозною задачей сталъ предъ ними вопросъ о связи прошедшаго съ настоящимъ въ эпоху ожесточенныхъ нападковъ на историческое преданіе. Исполненные довѣрія въ опытамъ собственной жизни, они усумнились въ возможности извлечь пользу изъ вѣбовыхъ опытовъ цѣлаго человечества... А между тѣмъ весьма немногія событія отмѣчены характеромъ совершенно новыхъ, небывалыхъ явленій; для большей части существуютъ поучительныя историческія аналогіи. Въ способности схватывать эти аналогіи, не оставиваясь на одномъ формальномъ сходствѣ, въ умѣніи узнавать подъ измѣнчивою оболочкою текущихъ происшествій сглаженныя черты прошедшаго заключается, по нашему мнѣнію, высшій признакъ живого историческаго чувства, которое въ свою очередь есть высшій плодъ науки¹⁾. Эти прекрасныя слова получили дальнѣйшее свое развитіе въ актовой рѣчи Грановскаго, въ которой мы читаемъ, между прочимъ, и такое мѣсто: „Даже въ

¹⁾ Сочиненія Грановскаго, II, 267—268.

настоящемъ, далеко не совершенномъ видѣ своемъ всеобщая исторія болѣе, чѣмъ всякая другая наука, развиваетъ въ насъ вѣрное чувство дѣйствительности и ту благородную терпимость, безъ которой нѣтъ истинной оцѣнки людей. Она показываетъ различіе, существующее между вѣчными, безусловными началами нравственности и ограниченнымъ пониманіемъ этихъ началъ въ данный періодъ времени... Одно изъ главныхъ препятствій, — говорятъ Грановскій немного дальше, — мѣшающихъ благотворному дѣйствию исторіи на общественное мнѣніе, заключается въ пренебреженіи, какое историки обыкновенно оказываютъ къ большинству читателей. Они, по-видимому, пишутъ только для ученыхъ, какъ-будто исторія можетъ допустить такое ограниченіе, какъ-будто она по самому существу своему не есть самая популярная изъ всѣхъ наукъ, призывающая къ себѣ всѣхъ и каждаго¹⁾. Вотъ почему также въ произведеніяхъ Грановскаго мы встрѣчаемся съ мыслью о томъ, что каждое историческое сочиненіе, особенно у насъ, лишенныхъ самаго необходимаго, должно оправдывать свое появленіе важностью своего содержанія. „У насъ, — писалъ Грановскій въ предисловіи въ своей докторской диссертациі, — нѣтъ не только хорошихъ оригинальныхъ, но даже переводныхъ книгъ объ исторіи главныхъ народовъ древняго и новаго міра. Нѣтъ значительныхъ произведеній, къ которымъ могли бы примкнуть

¹⁾ Тамъ же, I, 26.

частныя изслѣдованія. При такомъ положеніи литературы монографіи не могутъ имѣть большого значенія, принести существенной пользы. Онѣ по необходимости получаютъ характеръ отрывковъ, не занимательныхъ для публики, мало знакомой съ содержаніемъ цѣлаго¹⁾. „Сухое, неприложенное къ пользѣ общества знаніе,—читаемъ мы нѣсколько дальше въ этомъ же предисловіи,—въ наше время не высоко цѣнится“²⁾.

Въ какомъ же смыслѣ понималъ онъ общественную полезность исторической науки? На это намъ ясный и опредѣленный отвѣтъ дается слѣдующимъ мѣстомъ изъ аетовой рѣчи, въ которой подробнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, изложилъ Грановскій свою *profession de foi*. „Исторіи,—сказалъ онъ здѣсь между прочимъ,—предстоитъ совершить для міра нравственныхъ явленій тотъ же подвигъ, какой

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ „Стоило ли писать разсужденіе о предметѣ, не имѣющемъ для насъ никакого, по крайней мѣрѣ признаннаго, значенія? Частная цѣль автора—полученіе высшей ученой степени—не можетъ служить оправданіемъ бесплодному для другихъ труду. Скажемъ богѣе: чѣмъ значительнѣе начитанность, обнаруженная въ такомъ трудѣ, тѣмъ строже долженъ быть падающій на него приговоръ. Сухое, неприложенное къ пользѣ общества знаніе въ наше время не высоко цѣнится. Оно слишкомъ легко достается. Если увеличился матеріалъ науки, то, съ другой стороны, и еще въ большей степени усилились средства, которыми его можно себѣ усваивать“. Тамъ же. Сопоставимъ эти мѣста съ тѣмъ, что говорилось выше объ отношеніи Грановскаго къ частнымъ изслѣдованіямъ.

совершенно естественнымъ въ принадлежащей ему области. Открытія натуралистовъ разсѣяли вѣковые и вредные предрасудки, затмевавшіе взглядъ человѣка на природу: знакомый съ ея дѣйствительными силами, онъ пересталъ приписывать ей несуществующія свойства и не требуетъ отъ нея невозможныхъ уступокъ. Уясненіе историческихъ законовъ приведетъ въ результатамъ такого же рода... Исторія сдѣлается въ высшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ, чѣмъ у древнихъ, наставницею народовъ и отдѣльныхъ лицъ и явится намъ, не какъ отрѣзанное отъ насъ прошедшее, но какъ цѣлый организмъ жизни, въ которомъ прошедшее, настоящее и будущее находятся въ постоянномъ между собою взаимодействіи“¹⁾. Грановскій хотѣлъ, чтобы исторія была наукою, но чтобы эта наука сама служила исторической жизни, уясняя ее человѣку и научая его сознательнѣе, правильнѣе и съ большимъ успѣхомъ дѣйствовать въ этой жизни. Исторія въ этой роли должна воспитывать въ человѣкѣ „вѣрное чувство дѣйствительности“, жизненный смыслъ, и въ этомъ должна заключаться научная сторона вліянія исторіи на общество. Но Грановскій при своемъ глубоко-этическомъ отношеніи къ человѣку не могъ ограничиться одною этою стороною. „Современный намъ историкъ, — говоритъ онъ, — еще не можетъ отказаться отъ законной потребности нравственнаго вліянія на своихъ читате-

¹⁾ Тамъ же, I, 24—25.

лей“¹⁾. Этой сторонѣ онъ приписывалъ особенно большое значеніе, да и его собственное нравственное вліяніе было громаднѣмъ, гораздо болѣе и болѣе могущественнѣмъ, чѣмъ вліяніе строго-научное. Въ тѣсномъ союзѣ, каковой въ историческомъ міросозерцаніи Грановскаго заключили между собою наука и этика, заключалась одна изъ причинъ его обаятельнаго дѣйствія на слушателей и читателей. Многие, правда, порицали за это Грановскаго, но онъ умѣлъ найти счастливое выраженіе, чтобы съ достоинствомъ отвѣтить на дѣлавшіеся ему упреки. „Меня обвиняютъ,—сказалъ онъ однажды на публичной лекціи,—меня обвиняютъ въ томъ, что исторія служитъ мнѣ только для высказыванія моего воззрѣнія. Это отчасти справедливо, я имѣю убѣжденія и провожу ихъ въ моихъ чтеніяхъ; если бы я не имѣлъ ихъ, я не вышелъ бы публично передъ вами для того, чтобы рассказывать, больше или меньше занимательно, рядъ событій“²⁾. Грановскій, дѣйствительно, пользовался публичными лекціями для проведенія въ общественное сознаніе своего историческаго міросозерцанія, бывшаго, такъ сказать, поровну и научнымъ, и моральнымъ, и его публичныя чтенія, дѣйствительно, проникнуты были этическимъ, гуманнымъ отношеніемъ къ человѣческой личности и къ человѣчеству³⁾. Съ самаго на-

¹⁾ Тамъ же, I, 23.

²⁾ Сочиненія *Герцена*, VII, 310.

³⁾ Вотъ характеристика, сдѣланная „Москвитяниномъ“ публичному курсу 1844 года. „Главный характеръ чтеній Гранов-

чала своей профессорской дѣятельности Грановскій уже заговорилъ передъ своими слушателями языкомъ этически настроеннаго человѣка. „Цѣлями оправдывались средства, не могущія быть оправданными на судѣ нравственномъ: что нужны, если употреблялись средства не нравственныя, лишь бы употреблены были во имя благодѣтельныхъ для человѣчества идей“. — „Идеи не суть индѣйскія божества, которыхъ возять въ торжественныхъ процессіяхъ и которыя давятъ поклонниковъ своихъ, суевѣрно бросающихся подъ ихъ колесницы“. — Вотъ, — рассказываетъ Соловьевъ, — слова, раздавшіяся въ аудиторіяхъ нашего университета съ по-

скаго: чрезвычайно развитая человѣчность, сочувствіе, раскрытое ко всему живому, сильному, поэтичному, сочувствіе, готовое на все отозваться; любовь широкая и многообъемлющая, любовь къ возникающему, которое онъ радостно привѣтствуетъ, и любовь къ умирающему, которое онъ хоронитъ со слезами... (Станкевичъ, 135). Умѣть во всё вѣка, у всѣхъ народовъ, во всѣхъ проявленіяхъ найти съ любовью родное, человѣческое, не отказаться отъ братій, въ какомъ бы рубищѣ они ни были, въ какомъ бы неразумномъ возрастѣ мы ихъ ни застали, видѣть сквозь туманныя испаренія временнаго просвѣчиваніе вѣчнаго начала, то-есть вѣчной цѣли—великое дѣло для историка.. Грановскій (несмотря на упреки, дѣланые ему въ началѣ курса) прекрасно понялъ, каковъ долженъ быть русскій языкъ о западномъ дѣлѣ. Онъ ни разу не внесъ въ каталогъ чужихъ праотцевъ ни одного слова, ни одного намека изъ сегодняшнихъ споровъ ихъ наслѣдниковъ; не для того взята была въ руки заплечная хартія среднихъ вѣковъ, чтобы въ ней сыскать опору своему образу мыслей: ему не нужна средне-вѣковая инвестира, онъ стоитъ на иной почвѣ“ (136).

явленіемъ въ нихъ Грановскаго. Грановскій всѣми силами своей любящей и сочувствующей души, всѣми могущественными средствами своего живого, теплаго таланта сталъ противоѣствовать вредной крайности господствующаго направленія, и въ этомъ состоитъ его великая ученая и нравственная заслуга“¹⁾ Мы уже видѣли, что Грановскій нерѣдко возвращался къ опроверженію той мысли, что успѣхъ все оправдываетъ, что для достиженія необходимой цѣли всѣ средства одинаково хороши²⁾. Другою чертою проповѣди Грановскаго была глубокая терпимость. Его критическій умъ, его чуткая совѣсть спасали его отъ какаго бы то ни было фанатизма. Мнѣнія, которымъ онъ не сочувствовалъ, и личныя на него нападки, конечно, задѣвали его за живое. Однажды онъ писалъ одному изъ друзей, что на своихъ публичныхъ лекціяхъ онъ „вообще хочетъ полемизировать, ругаться, оскорблять“³⁾,

¹⁾ Тамъ же, 160—161.

²⁾ Вотъ еще одно мѣсто въ подобномъ родѣ. „Говорять, что народный организмъ подвергается болѣзнямъ, требующимъ иногда страшныхъ кровавыхъ лѣварствъ. Есть школа, которая возвела это мнѣніе въ историческую аксіому. Основываясь на опытахъ исторіи, мы думаемъ иначе. Такія лѣварства, какъ Вареломеевская ночь, изгоняя одинъ недугъ, зарождаютъ нѣсколько другихъ, болѣе опасныхъ. Они вызываютъ вопросъ: заслуживаетъ ли спасенія организмъ, нуждающійся въ такихъ средствахъ для дальнѣйшаго существованія? Государство теряетъ свой нравственный характеръ, употребляя подобныя средства, и позоритъ самую цѣль, къ достиженію которой стремится“. Сочиненія Грановскаго, II, 383.

³⁾ Станкевичъ, 132.

но выполненіе выходило другое. „Во мнѣ, — характеризовалъ онъ себя въ другомъ письмѣ, — дѣйствительно, глубокая ненависть ко всякой нетерпимости, неспособной уважать особенность взгляда, который у всякаго сколько-нибудь умнаго, мыслящаго человѣка есть результатъ цѣлаго развитія, цѣлой жизни. Я не хвастаюсь своимъ скептицизмомъ, а говорю о немъ, какъ о фактѣ: знаю, что это нѣчто болѣзненное, можетъ быть, знакъ безилія, но благодаренъ ему за то, что онъ воспиталъ во мнѣ истинную, гуманную терпимость. Нетерпимость понятна и извинительна только въ юношѣ, который думаетъ, что овладѣлъ истиною, потому что прочелъ и горячо принялъ въ сердце умную и благородную книгу, да въ людяхъ съ ограниченнымъ и жесткимъ умомъ, каковы, напр., протестантскіе богословы XVII и даже XIX в. Чѣмъ ограниченнѣе умъ, тѣмъ легче ему дается какое-нибудь маленькое убѣжденіе, на которомъ ему ловко спать. Да, исторія — великая наука, и что бы вы ни говорили объ естественныхъ наукахъ, онѣ никогда не дадутъ человѣку той нравственной силы, какою она даетъ“¹⁾.

Въ только-что приведенномъ отрывкѣ высказывается Грановскимъ мысль о воспитательномъ значеніи исторіи и еще въ одномъ отношеніи. По этой мысли исторія должна содѣйствовать развитію въ человѣкѣ и терпимости, какъ плода уваженія къ человѣческой личности.

¹⁾ Тамъ же, 222.

Вообще Грановскій хотѣлъ, чтобы университетская наука была органомъ воздѣйствія на общество. Его біографъ рассказываетъ намъ, что онъ сворбѣлъ душою, видя, какъ непрочно было вліяніе университета на общественную жизнь. Онъ, Грановскій, указывалъ на то, что молодежь находилась подъ благотворнымъ вліяніемъ науки лишь въ годы своего ученія. Едва только покидала она университетскія аудиторіи и начинала жизнь окружающаго общества, какъ тотчасъ же съ нея какъ рукой снимало все то, чему она училась, что воспринимала. Грановскій хотѣлъ противодействовать этому, мечталъ объ изданіи журнала, читалъ публичные курсы по своей наукѣ¹⁾. Онъ глубоко понималъ общественное значеніе науки и въ этомъ смыслѣ при тогдашнихъ, вѣрнее неблагоприятныхъ, условіяхъ сдѣлалъ весьма многое для того, чтобы наука перестала быть дѣломъ исключительно шьолы, хотя бы даже и высшей шьолы. Онъ ставилъ историческую науку въ связь не только съ философскимъ міросозерцаніемъ, не только съ нравственными явленіями, но и съ практической общественною жизнью, съ тою самою жизнью, которая и сама, по его опредѣленію, должна была быть главнымъ предметомъ самой исторической науки. Если онъ отрѣшался отъ узко-утилитарнаго взгляда на исторію, то не для того, чтобы видѣть въ ней

¹⁾ *Станкевичъ*, стр. 105—106, 128 и слѣд., 142 и др.—Сочиненія *Герцена*, VII, 258 и слѣд.

предметъ кабинетной учености, школьнаго преподаванія или личнаго умозрѣнія, совершенно оторванный отъ жизни, отъ дѣйствительности, отъ современности. Еще во время своей поѣздки за границу онъ привыкъ интересоваться современнымъ міромъ. Поэтому въ его представленіи исторія не была изученіемъ одного прошлаго. Онъ созерцалъ историческую жизнь, какъ процессъ, продолжающійся и въ настоящее время, и, видя въ современности плодъ прошедшаго, смотрѣлъ на нее вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на сѣмя будущаго. Условіями, въ какія во времена Грановскаго была поставлена у насъ преподавательская и писательская дѣятельность, для него уничтожалась всякая возможность публичнаго изложенія своихъ взглядовъ на современные отношенія и событія, какъ ни занимали его вопросы, волновавшіе тогда Западную Европу и обсуждавшіеся въ образованныхъ кружкахъ русскихъ людей. Не забудемъ, что Грановскій, котораго болѣе всего занимала исторія общественная, политическая въ широкомъ смыслѣ слова, привлекали къ себѣ „переходныя эпохи“, интересовала современность съ ея корнями въ недалекомъ прошломъ,—въ своихъ историческихъ курсахъ ни разу не могъ читать о французской революціи; даже его курсъ по реформациі встрѣчалъ нѣкоторыя затрудненія ¹⁾. Странно было бы сомнѣваться въ томъ, понималъ ли Грановскій, какъ слѣдуетъ,

¹⁾ Станкевичъ, 142.

тѣсную связь, существующую между исторической наукой и современностью. „Исторія,— писалъ онъ въ 1847 г. въ своей статьѣ объ исторической литературѣ,—по самому содержанію своему должна болѣе другихъ наукъ принимать въ себя современныя идеи. Мы не можемъ смотрѣть на прошедшее иначе, какъ съ точки зрѣнія настоящаго. Въ судьбѣ отцовъ мы ищемъ преимущественно объясненія собственной. Каждое поколѣніе приступаетъ къ исторіи съ своими вопросами; въ разнообразіи историческихъ школъ и направленій высказываются задушевныя мысли и заботы вѣка“ ¹⁾. На этомъ основаніи обзоръ исторической литературы по его мысли долженъ былъ быть „отчетомъ о движеніи общественнаго мнѣнія въ Западной Европѣ“. Иного взгляда на исторію, естественно, и не могло образоваться у человѣка, еще въ молодыхъ годахъ изучавшаго французскихъ историковъ эпохи реставраціи, которые умѣли тѣсно соединить занятія наукою со служеніемъ злобамъ дня. Слѣдя за развитіемъ исторической литературы, Грановскій не могъ не видѣть, въ какомъ отношеніи стояло это развитіе къ движенію общественнаго мнѣнія. Бурный 1848 г. долженъ былъ сильно взволновать Грановскаго. За надеждами послѣдовалъ рядъ разочарованій. „Какой-нибудь поздній историкъ,—говорилъ Грановскій въ 1849 г.,—умно и интересно будетъ объяснять, что теперь совершается, но каково переживать это

¹⁾ Сочиненія Грановскаго, I, 211.

современнику!“¹⁾ Соціалное движеніе, совершавшееся на Западѣ, также не могло не интересоватъ Грановскаго. Разбирая въ 1847 г. „Чтенія о римской исторіи“ Нибура и „Исторію Гракховъ“ Ницше, Грановскій отмѣчалъ существованіе въ Европѣ соціалнаго вопроса. „Настоящее положеніе и будущность бѣдныхъ классовъ, — писалъ онъ, — обращаютъ на себя преимущественно вниманіе государственныхъ людей и мыслителей Западной Европы, гдѣ пролетаріатъ дѣйствительно получилъ огромное значеніе. Но защитники старины, которые въ этомъ явленіи видятъ нѣчто доселѣ небывалое, исключительно нашему времени принадлежащее и его обвиняющее, находятся въ странномъ, быть можетъ, добровольномъ заблужденіи. На тѣхъ путяхъ развитія, которыми шли всѣ историческія общества, за исключеніемъ патріархальныхъ государствъ Востока, нельзя было избѣжать пролетаріата“²⁾.

Но и въ самой Россіи развитіе общественной жизни и науки не позволяло историческому знанію оставаться совершенно чуждымъ вопросамъ современности. Во времена Грановскаго умственные верхи русскаго общества раздѣлились на два лагеря, а главнымъ пунктомъ раздѣленія сдѣлался, какъ всѣмъ извѣстно, вопросъ объ отношеніи Россіи къ тому

¹⁾ *Станкевичъ*, стр. 236. О глубокомъ интересѣ Грановскаго къ современности, кромѣ Станкевича, свидѣлствуютъ и другія лица, знавшія Грановскаго. Сочиненія *Грановскаго*, I, стр. IV—V. Сочиненія *Кудрявцева*, II, 546—547.

²⁾ Сочиненія *Грановскаго*, II, 222.

Западу, исторію котораго съ такою самостоятельностью мысли изучалъ Грановскій. Онъ не могъ, конечно, оставаться въ сторонѣ отъ спора между западниками и славянофилами. Его занятія исторіей романскихъ и германскихъ народовъ влекли его въ лагерь западниковъ. Онъ, который осуждалъ національные предразсудки нѣмцевъ во имя идей науки и гуманности, не могъ, понятію, одобрить въ своихъ соотечественникахъ того, что напоминало ему не-симпатичныя для него черты нѣмецкой историографіи и публицистики. Развивъ въ себѣ всемірно-историческій взглядъ, онъ долженъ былъ быть врагомъ всякой исключительности и нетерпимости. Наконецъ, пониманіе имъ процесса исторіи, какъ разложенія массовыхъ преданій личною мыслью, не позволяло ему соглашаться съ людьми, видѣвшими какъ-разъ въ этомъ массовомъ преданіи не только рововую силу исторіи, но и проявленіе высшаго разума исторіи.

Во время своего заграничнаго путешествія Грановскій столкнулся не съ однимъ германскимъ, но и со славянскимъ міромъ—съ послѣднимъ въ лицѣ, главнымъ образомъ, чеховъ. Въ Прагѣ онъ сталъ учиться чешскому языку, да и вообще занимался потомъ славянскими языками ¹⁾. Онъ познакомился также и съ выдающимися чешскими дѣятелями. Какъ человекъ гуманный, онъ, естественно, выражалъ сочувствіе національнымъ стремленіямъ сла-

¹⁾ Станкевичъ, 83, 89.

ванъ и даже собрался написать статью о нихъ для русской публики, которая тогда о нихъ почти ничего не знала или знала очень мало ¹⁾. Но какъ широко образованный историкъ, онъ не могъ раздѣлять націоналистическихъ притязаній западно-славянскаго „возрожденія“. Въ 1838 г. своимъ друзьямъ, Станкевичу и Невѣрову, онъ писалъ слѣдующія строки о славянскихъ языкахъ: „они могутъ быть полезны для филологическихъ изслѣдованій, а слѣдовательно и для исторіи, но я совсѣмъ другого ищу въ этой наукѣ. Меня почти исключительно занимаетъ развитіе политическихъ формъ и учреждений. Это—одностороннее направленіе, но я не могу изъ него вырваться. Литературы нѣтъ ни у чеховъ, ни у сербовъ; историческихъ источниковъ также. Все это истреблено, а новое *im Werden*“ ²⁾. Конечно, современнымъ славистамъ легко было бы опровергнуть такое мнѣніе о предметѣ ихъ изученія, но въ данномъ случаѣ для насъ важна та мысль Грановскаго, что исторія славянъ ни съ чисто политической, ни съ всемірно-исторической точки зрѣнія не можетъ имѣть того значенія, какое принадлежитъ народамъ романскимъ и германскимъ. Между прочимъ, Грановскій познакомился съ Шафарикомъ и въ своихъ письмахъ къ Станкевичу и Григорьеву передалъ содержаніе своего разговора съ этимъ знаменитымъ славянскимъ уче-

¹⁾ Тамъ же, 83, 84.

²⁾ Тамъ же, 89.

нымъ. „Я сказалъ ему, — читаемъ мы въ письмѣ въ первому изъ названныхъ друзей Грановскаго, — что, по моему мнѣнію, Лео правъ (рѣчь шла о Лео), называя романо-германскія племена главными дѣятелями въ средней и новой исторіи, и что всемірное значеніе получили славяне только недавно, когда Россія вошла въ Европу“ ¹⁾. „При всемъ, — писалъ онъ Григорьеву, — моею уваженіемъ въ его огромнымъ свѣдѣніямъ я не могу согласиться, что славяне не менѣе нѣмцевъ участвовали во всемірной исторіи. Мнѣ кажется, что намъ принадлежитъ будущее, а отъ прошедшаго мы должны отказаться въ пользу другихъ. Мы не въ убыткѣ при этомъ раздѣлѣ. Какъ ни говори, а все-таки исторія германцевъ теперь важнѣе славянской, въ связи съ всеобщю. Черезъ два-три столѣтія — другое дѣло“ ²⁾. Эти строки были написаны, замѣтимъ, въ 1838 г., — значить, еще до начала профессорской дѣятельности. Стало быть, Грановскій возвратился изъ-за границы уже съ вполне сформированнымъ взглядомъ на положеніе славянства во всемірной исторіи ³⁾. Мы видѣли, что, благодаря своей чуткости и широтѣ своего ума, Грановскій охотно соглашался съ дѣйствительно научною истиною, отъ кого бы онъ ее ни узнавалъ, и если славянскіе ученые не могли

¹⁾ Тамъ же, 81.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Герценъ, говоря о раздѣленіи между западниками и славянофилами, замѣчаетъ: „Грановскій былъ нашимъ съ самаго пріѣзда изъ Германіи“. Сочиненія, VII, 150.

убѣдить его въ своемъ тезисѣ, то вина въ этомъ заключалась не въ неспособности Грановскаго воспринимать дѣйствительно научныя истины.

Своимъ противникамъ Грановскій казался крайнимъ западникомъ, презиравшимъ все родное. Такое мнѣніе было весьма далекимъ отъ правды. Мы уже упоминали, что національная исключительность нѣмцевъ его раздражала. Во время своего путешествія онъ до такой степени возмущался австрійскими порядками, что онъ совершенно искренне предпочиталъ Австріи Россію ¹⁾. Его горячій патриотизмъ не подлежитъ сомнѣнію, но, говорить его биографъ, „любовь къ своему, основанная только на незнаніи или непониманіи чужого, не имѣла достоинства въ глазахъ Грановскаго. Онъ не могъ высоко цѣнить національнаго чувства, если оно основывалось только на невѣжествѣ. Онъ не думалъ, чтобы образованность подрывала въ людяхъ любовь къ отечеству“ ²⁾.

При новомъ взглядѣ на стихійное и роковое значеніе массовыхъ преданій, непросвѣтленныкъ высшею общечеловѣческой мыслью, Грановскій, повторяю, не могъ сочувствовать людямъ, которые, какъ ему казалось, именно и строили все свое міросозерцаніе исключительно на такой основѣ. „Многочисленная партія, — писалъ онъ въ 1847 г., — подняла въ наше время знамя народныхъ преданій

¹⁾ Тамъ же, 79, 85 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, 284.

и величаетъ ихъ выраженіемъ общаго непогрѣшимаго разума. Такое уваженіе къ массѣ неубыточно. Довольствуясь совершеніемъ собственной красоты, эта теорія не требуетъ подвига. Но въ основаніи своемъ она враждебна всякому развитію и общественному успѣху. Массы, какъ природа или какъ скандинавскій Торъ, бессмысленно жестоки и бессмысленно добродушны... Не прибѣгая къ мистическимъ толкованіямъ, пущеннымъ въ ходъ нѣмецкими романтиками и принятымъ на слово многими у насъ въ Россіи, мы знаемъ, какъ образуются у насъ народныя преданія, и понимаемъ ихъ значеніе. Смѣемъ, однако, сказать, что первыя представленія ребенка не должны опредѣлять дѣятельность зрѣлаго человѣка. У каждаго народа есть много прекрасныхъ, глубоко поэтическихъ преданій; но есть нѣчто выше ихъ: это *разумъ*, устраняющій ихъ положительное вліяніе на жизнь и бережно слагающій ихъ въ великія сокровищницы человѣка—науку и поэзію“¹⁾. Быть можетъ, какъ-разъ въ этомъ различномъ отношеніи къ массовому преданію и къ личному разуму заключалось главное основаніе разрыва между славянофилами и западниками. Грановскій притомъ совершенно вѣрно указывалъ на нѣмецкое происхожденіе русскихъ философскихъ толковъ о народномъ духѣ. Онъ самъ прошелъ черезъ эту ступень развитія. Въ наброскѣ 1839 г. онъ еще самъ объявлялъ, что основною

¹⁾ Сочиненія Грановскаго, II, 220.

силою исторіи является народный духъ. „Врожденный геній народа, — писалъ онъ тогда, — происхожденіе котораго непроницаемо, сущность таинственна, выходитъ изъ своей сокровенности къ сознанию и исторіи чрезъ проявленія свои и получаетъ болѣе или менѣе твердый образъ, смотря по мѣрѣ силъ своихъ и успѣховъ. Дѣла народа, его судьбы, учрежденія, религія, языкъ, искусство—суть отверженія народнаго духа, органы его дѣятельности, дѣятельныя силы исторіи“ ¹⁾. Это самое воззрѣніе Грановскій почти въ тождественныхъ выраженіяхъ повторилъ также и въ своемъ вступленіи въ курсъ 1843—44 г. ²⁾. Грановскій хорошо понималъ превосходство такого взгляда надъ тѣмъ, который выставленъ былъ разсудочной философіей XVIII в., охарактеризованной имъ съ этой стороны въ наброскѣ 1839 г. ³⁾. Но онъ не остался на этой ступени пониманія, на которой строили свое зданіе тогдашніе славянофилы. Онъ снова созналъ значеніе личнаго начала въ исторіи, но не для того, чтобы вернуться къ оставленному воззрѣнію XVIII в., а для того, чтобы вывести свое историческое міросозерцаніе на новую дорогу ⁴⁾. Я говорилъ уже,

¹⁾ Сборникъ въ пользу студ. ун. св. Владиміра, стр. 317—318.

²⁾ Тамъ же, стр. 323.

³⁾ Тамъ же, стр. 314.

⁴⁾ „Въ лицѣ Грановскаго, — говоритъ Герценъ, — московское общество привѣтствовало рвущуюся къ свободѣ мысль Запада, мысль умственной независимости и борьбы за нее“. Сочиненія, VII, 291.

что вопросъ о народномъ духѣ продолжалъ занимать Грановскаго и въ концѣ его ученой дѣятельности. Но въ данномъ вопросѣ теперь онъ отрѣшился отъ романтической мистики нѣмецкой философіи и исторіографіи. Ища объясненія различія народныхъ характеровъ въ антропологіи, Грановскій не отрицалъ, однако, и того, что народный духъ не есть во всемъ своемъ объемѣ нѣчто данное изначала, а складывается и развивается подъ влияніемъ самой исторіи. Если онъ упрекалъ философовъ XVIII в. за то, что, по ихъ мнѣнію, „изъ человѣка можно все сдѣлать“¹⁾, то въ концѣ концовъ не могъ онъ согласиться и со взглядомъ, будто исторія бессильна противъ роковыхъ опредѣленій народнаго духа и массоваго преданія, — того самаго именно преданія, которое, по его представленію, разлагается личною мыслью. Грановскому было бы вполне понятно теоретическое сведеніе сущности историческаго процесса къ взаимодействию личности и общественной среды, тѣмъ болѣе, что первая мысль объ этомъ сведеніи была высказана еще Гизо. XVIII вѣкъ имѣлъ въ виду одно личное дѣйствіе, въ XIX вѣкѣ было создано — и въ первый разъ подъ именемъ народнаго духа — понятіе объ общественной средѣ. Въ мысли Грановскаго подготовлялся синтезъ этихъ двухъ понятій, и, говоря о дѣйствіи личности на среду, онъ въ то же время долженъ былъ признавать и дѣйствіе личности на

¹⁾ Сборникъ въ пользу студ. ун. св. Владиміра, стр. 314.

образование и развитие народного духа. Одинъ изъ упрековъ, какой славнофильство дѣлало Западу, заключался именно въ томъ, что въ романо-германской мѣрѣ получилъ развитіе односторонній принципъ личности. Напротивъ, только развитая, только самостоятельная, только обладающая сильною волею личность была идеаломъ Грановскаго ¹⁾.

Съ новою школою Грановскому пришлось столкнуться въ самомъ началѣ московскаго періода своей жизни: уже въ 1839 г. въ письмѣ къ Станкевичу онъ выражалъ сильную досаду на то, что „славянской патріотизмъ“ имѣлъ успѣхъ среди тогдашней

¹⁾ „Биографіи ученыхъ XIX в. рѣдко отличаются занимательностью содержанія. Въ судьбѣ человѣка, котораго лучшие годы проходятъ въ рабочей комнатѣ, трудно найти стороны, способныя возбудить живое любопытство или участіе. Въ средніе вѣка и въ началѣ новой исторіи отношенія были другія. Тогда для служенія наукѣ недостаточно было одного дарованія: нужны были самоотверженіе, сильный характеръ. Борьба съ препятствіями начиналась уже въ школѣ, гдѣ безъ руководствъ и пособій, теперь доступныхъ каждому изъ насъ, надобно было учиться со словъ ненадежнаго наставника... Ни въ какой другой сферѣ не могли такъ самобытно опредѣлиться личности. Онѣ привлекаютъ къ себѣ наше участіе сами по себѣ, независимо отъ тѣхъ великихъ идей, которыхъ были представителями. Этого рода занимательность почти не существуетъ въ биографіяхъ теперешнихъ ученыхъ. Спокойная кабинетная дѣятельность не въ состояніи воспитать крѣпкихъ характеровъ и рѣдко ставитъ человѣка въ такое положеніе, въ которомъ его участь получаетъ право на общее вниманіе“. Сочиненія Грановскаго, II, 8—9.

молодежи“¹⁾. Съ другой стороны, его уже тогда стали упрекать въ пристрастіи къ нѣмцамъ, на что Грановскій отвѣчалъ упрекомъ въ неблагодарности къ Петру. Разъ онъ вообще такъ высоко ставилъ науку, какъ великую образовательную, воспитательную, общественную силу, наука была для него великимъ приобрѣтеніемъ, которымъ все человѣчество, а съ нимъ и Россія обязаны были Западу, — наука, въ которой, замѣтимъ, проявляется и работа личной мысли, разлагающей массовое преданіе. „Мы, — говорилъ онъ въ концѣ своей лекціи о Бэконѣ, — мы принимаемъ отъ Европы только чистѣйшій результатъ ея духовнаго развитія, устраняя всѣ стороннія или случайныя примѣси. Наука Запада есть единственное добро, которое онъ можетъ передать Россіи. Примемъ же это наслѣдіе съ должною признательностью къ тѣмъ, которые приготовили его для насъ, неожиданныхъ наслѣдниковъ... Наме дѣло увеличить эти сокровища достойными владыками русской мысли и русскаго слова“²⁾. Участіе Россіи въ общечеловѣческомъ прогрессѣ,

¹⁾ „Досадно то, что они портятъ студентовъ: вокругъ нихъ собирается много хорошей молодежи и вбиваютъ эти прекрасныя идеи... Славянскій патриотизмъ здѣсь теперь ужасно господствуетъ: я съ каеэдръ встаю противъ него, разумѣется, не выходя изъ предѣловъ моего предмета, за что меня упрекаютъ въ пристрастіи къ нѣмцамъ. Дѣло идетъ не о нѣмцахъ, а о Петрѣ, котораго здѣсь не понимаютъ и неблагодарны къ нему“. *Станкевичъ*, 112.

²⁾ Сочиненія Грановскаго, I, 406.

создаваемомъ работою мысли,—вотъ въ чемъ главнымъ образомъ проявлялись патриотическія чаянія Грановскаго. „Напоръ монгольскій,—говорилъ онъ въ заключеніи въ публичной лекціи о Тимурѣ,— не страшнѣе болѣе Россіи, еще недавно одолѣвшей завоевателя болѣе грознаго, чѣмъ великіе ханы. Бывшіе властители наши должны въ свою очередь испытать русское вліяніе. Но Россія платитъ имъ не гнетомъ за гнеть. Христіанское государство вносить въ юрты дикарей истинную вѣру и неразлучныя съ ней образованность и гражданственность. Нашему отечеству предстоитъ облагородить и употребить въ пользу человѣчества силы, которыя до сихъ поръ дѣйствовали только разрушительно“¹⁾. Россія приняла образованность отъ просвѣщеннаго Запада и должна нести ее на варварскій Востокъ,—такова была для Грановскаго „историческая миссія“ нашего отечества. Этою своею образованностью Россія обязана была реформѣ Петра: всякое просвѣтительное дѣло въ Россіи представлялось поэтому нашему историку, какъ исполненіе завѣтовъ великаго преобразователя. „У насъ,—говорилъ онъ своимъ слушателямъ на лекціи послѣ защиты докторской диссертациі,— у насъ общее прекрасное дѣло—посвятить наши занятія серьезному изученію, служенію Россіи, вышедшей изъ рукъ Петра I, удаляясь равно и отъ пристрастныхъ клеветъ иноземцевъ, и отъ старческаго, дряхлаго желанія воз-

¹⁾ Тамъ же, I, 350.

становить древнюю Русь во всей ея односторонности" ¹⁾). Критическое отношеніе славянофиловъ къ реформѣ Петра Великаго отталкивало отъ нихъ Грановскаго: въ этомъ критическомъ отношеніи онъ усматривалъ измѣну идеямъ науки и прогресса.

Грановскаго тянуло къ Западу, славянофилы указывали на Византію. Грановскій не раздѣлялъ, однако, предубѣжденія противъ византійской исторіи, которое онъ замѣчалъ у западныхъ ученыхъ ²⁾). Онъ даже указывалъ русскимъ ученымъ, какъ на ихъ задачу — научно изслѣдовать византійскую исторію ³⁾). Но съ всемірно-исторической точки зрѣнія

¹⁾ Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія *Т. И. Пассекъ*, II, 372

²⁾ „Исторія Византійской имперіи не пользуется большимъ почетомъ на Западѣ. Говоря о ней мимоходомъ, тамошніе писатели довольствуются повтореніемъ мнѣній, наслѣдованныхъ ими отъ XVIII столѣтія, и рѣдко берутъ изъ нея содержаніе для специальныхъ сочиненій... Очевидное равнодушіе западныхъ писателей къ государству Константина Великаго объясняется отчасти отношеніями этого государства къ латино-германскимъ племенамъ. Между ними не было органической связи. Французу или англичанину Византія представляетъ такой же любопытный предметъ, какъ, напр., Аравійскій калифатъ, но она не имѣетъ въ его глазахъ другого, высшаго значенія. Ея вліяніе на судьбу его предковъ не даетъ ей особенныхъ правъ на его сочувствіе“. Сочиненія *Грановскаго*, II, 121.

³⁾ „Успѣшное рѣшеніе этой задачи возможно въ настоящее время только русскимъ или вообще славянскимъ ученымъ. Она ближе къ ней потому, что она связана съ исторіей ихъ собственнаго племени и требуетъ знаній въ тѣхъ областяхъ церковной исторіи и филологіи, которыя менѣе другихъ доступны западнымъ ученымъ. Можно прибавить, что на насъ лежитъ

онъ не могъ придавать Византіи большого значенія въ исторіи общечеловѣческаго прогресса. „Нельзя не задуматься, — говоритъ онъ въ статьѣ своей о Латинской имперіи, — нельзя не задуматься при вопросѣ: отчего великія творенія древней Греціи, бывшія въ продолженіе многихъ вѣковъ предметомъ постояннаго изученія въ Константинополѣ, родныя тамошнимъ читателямъ по языку, на которомъ они написаны, обнаружили такъ мало вліянія на византійскую литературу, между тѣмъ какъ оджо прикосновеніе къ другой болѣе свѣжей почвѣ вызвало движеніе, имѣвшее результатомъ всестороннее обновленіе умственной жизни на Западѣ“¹⁾. Современная наука дала свой отвѣтъ на этотъ вопросъ, понявъ сущность гуманистическаго движенія въ индивидуализмъ, бывшемъ плодомъ большаго развитія личности на Западѣ. И этотъ отвѣтъ вполне сходится съ исторической философіей Грановскаго. Въ Византіи онъ не находилъ того начала, которое оживляло Западъ, и потому онъ не могъ приписывать ей такого же значенія, какъ Западу, въ развитіи челоуѣчества.

Опровергая воззрѣнія славянофиловъ, Грановскій упрекалъ ихъ въ непониманіи западной исторіи. Правильному историческому образованію, неммыслимому безъ занятій всеобщей исторіей, онъ приписывалъ —

нѣкотораго рода обязанность оцѣнить явленіе, которому мы такъ много обязаны“. Тамъ же, II, 123—124.

¹⁾ Тамъ же, I, 122.

и совершенно справедливо—громдное значеніе въ дѣлѣ разработкѣ прошлаго родной страны. „Не разъ, — свидѣтельствуеъ его біографъ, — высказы- валь онъ желаніе, чтобы лица, посвящающія себя трудамъ по исторіи Россіи, были подготовлены къ нимъ общимъ образованіемъ и изученіемъ исторіи другихъ народовъ, замѣчая, что исключительное за- нятіе русской исторіей оказываеъ неблагоприятное вліяніе даже на людей, одаренныхъ большимъ умомъ, дѣлаеъ неясными ихъ историческія воззрѣнія и узкими или односторонними ихъ симпатіи и мнѣ- нія“¹⁾. Въ этомъ смыслѣ онъ требоваль, чтобы у насъ не только преподавалась, но и самостоятельно изучалась всеобщая исторія. Вотъ почему съ ра- достью пріѣтствовалъ Грановскій появленіе „Су- дебъ Италіи“ Кудрявцева, въ которыхъ видѣль историческое произведеніе о Западѣ, какового у насъ доселѣ еще не бывало²⁾. И Кудрявцевъ воспринялъ эту мысль Грановскаго о важности самостоятельнаго изученія у насъ исторіи Запада. „Изученіе все- общей исторіи, — писалъ онъ впоследствии по поводу

¹⁾ Станкевичъ, 283.

²⁾ „Русской критикѣ рѣдко приходится имѣть дѣло съ та- кими книгами, какъ „Судьбы Италіи“ отъ паденія Западной Римской Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ“. Первый трудъ, съ которымъ г. Кудрявцевъ выступаетъ на ученое поприще, не только превосходитъ все, что до сихъ поръ было написано по-русски объ исторіи Запада, но можетъ стать на ряду съ классическими монографіями иностранныхъ литературы“. Сочиненія Грановскаго, II, 135.

диссертации Ешевскаго, — изучение всеобщей истории понемногу спѣетъ у насъ и начинаетъ приносить свои плоды. Мы всегда были за него и радуемся каждому новому его успѣху. Намъ всегда пріятно было думать, что рядомъ съ дѣятельною разработкою русской истории можетъ идти у насъ съ успѣхомъ и основательное знакомство съ общими историческими вопросами. Ничто такъ не освобождаетъ мысль отъ односторонности, какъ сравнительное историческое изучение; ничто не придаетъ столько твердости сужденію, какъ повѣрка однихъ историческихъ явленій другими. Во всеобщей истории лежатъ мѣра заслугъ каждой народности общему человѣческому дѣлу. Чѣмъ дальше раздвигаются предѣлы историческаго знанія, тѣмъ больше расширяется умственный горизонтъ вообще. Отвергающіе сравнительный способъ изученія истории сами добровольно лишаютъ себя средства понять смыслъ нѣкоторыхъ явленій“ ¹⁾. Эти прекрасныя слова могли бы быть сказаны и самимъ Грановскимъ, ибо въ нихъ ученикъ лишь повторилъ мысль своего учителя ²⁾.

¹⁾ Сочиненія *Кудрявцева*, I, 254—255.

²⁾ Еще раньше, въ предисловіи своей диссертации о „Судбахъ Италіи“ *Кудрявцевъ* писалъ то же самое, и эти его слова точно такъ же могли быть имъ сказаны лишь потому, что онъ прошелъ историческую школу Грановскаго. „Никто, конечно, — читаемъ мы здѣсь, — не будетъ спорить противъ важности и даже необходимости самостоятельнаго изученія главныхъ событийъ истории Запада и въ нашемъ отечествѣ. Если нужно

Грановскій первый создалъ въ нашей исторической литературѣ понятіе о всеобщей исторіи, не какъ о простой суммѣ частныхъ исторій, а какъ о единомъ всемірно-историческомъ цѣломъ, создалъ всемірно-историческую точку зрѣнія. Всемірно-историческая точка зрѣнія вполнѣ соотвѣтствовала широтѣ его ума и гуманности его чувства. Она была первымъ источникомъ его протеста противъ всякой исключительности и нетерпимости, пользовавшейся историческою наукою въ какихъ-либо

основать независимость нашихъ собственныхъ сужденій въ дѣлѣ всеобщей исторіи, то достигнуть этого мы можемъ не иначе, какъ самостоятельнымъ ея изученіемъ. Къ тому же побуждаютъ насъ и успѣхи русской исторіи, сдѣланные ею особенно въ послѣднее десятилѣтіе. Они предполагаютъ известную степень зрѣлости сознанія, на которой историческое знаніе вообще становится одною изъ умственныхъ способностей. Не забудемъ притомъ, что для полноты историческаго созерцанія необходима сравнительная точка зрѣнія, а она можетъ быть приобретена лишь основательнымъ знакомствомъ, кромѣ исторіи отечественной, съ прочими частями всеобщей исторіи народовѣчества". Тамъ же, т. III, стр. I.—П. Б. Н. Чичеринъ, бывшій ученикомъ Грановскаго, посвятилъ свой трудъ объ „областныхъ учрежденіяхъ Россіи“ Грановскому, котораго въ этомъ посвященіи называетъ своимъ „наставникомъ и руководителемъ“. „Въ широкомъ воззрѣніи его на жизнь и исторію,—говоритъ здѣсь, между прочимъ, Чичеринъ,—находили мы смѣшеніе слишкомъ односторонняго или рѣзкаго направленія“. Задуманный тонъ, какимъ написано это посвященіе, свидѣтельствуетъ о томъ, что Грановскій былъ наставникомъ и руководителемъ въ наукѣ не однихъ только „вербообщихъ историковъ“.

узкихъ и негуманныхъ цѣляхъ. Эту точку зрѣнія онъ вырабатывалъ въ теченіе всей своей преподавательской и писательской дѣятельности. Не нужно, конечно, думать, что онъ давалъ общіе обзоры всемірной исторіи, ибо это было бы и немислимо въ университетскомъ преподаваніи, но это значитъ, что и въ изложеніи отдѣльныхъ періодовъ онъ умѣлъ выдерживать извѣстный общій взглядъ ¹⁾).

¹⁾ Вотъ какъ Кудрявцевъ характеризуетъ его преподаваніе: „строго систематическое, послѣдовательное изложеніе всего содержанія науки не было его дѣломъ. Въ узкія тѣсныя рамки системы не любилъ онъ вводить прошлую жизнь человѣчества, какъ не умѣщается въ нихъ настоящее широкое ея развитіе. Въ своемъ изложеніи предмета онъ *хотѣлъ быть вѣрнымъ самому историческому духу*, вмѣсто того, чтобъ заниматься разстановкой всѣхъ отдѣльныхъ явленій исторической жизни по мѣстамъ. Онъ любилъ соприкасаться съ живыми сторонами исторіи. Великія эпохи, равно какъ и великія историческія личности въ особенности влекли къ себѣ его вниманіе и надолго привязывали къ себѣ его умственное и сердечное участіе. Проходя въ быстромъ очеркѣ темныя и безплодныя эпохи въ исторіи, онъ умѣлъ сосредоточивать свое вниманіе на лучшихъ представителяхъ духа времени въ каждомъ историческомъ періодѣ и вѣрными, полными жизненной силы чертами изображалъ ихъ передъ внимательной аудиторіей. Когда дѣло шло о великихъ историческихъ дѣятеляхъ, казалось, не медленное слово ученаго, а вѣрный рѣзецъ художника проводилъ ихъ отчетливо ясныя очерки. Оттого глубоко западали они въ воображеніи и не изглаживались послѣдующими разнообразными впечатлѣніями школы и жизни. Оттого, по выходѣ изъ школы, у многихъ рвалась крѣпкая сѣть логически выведенныхъ понятій, а начертанные имъ образы всецѣло оставались въ мысли“. Тамъ же, II, 542—544.

Уже не разъ указывавшійся нами историко-философскій набросокъ 1839 года обнаруживаетъ въ только-что начинавшемъ свою дѣятельность профессорѣ стремленіе поставить свою науку на ту точку зрѣнія, которой онъ самъ впоследствии далъ названіе всемірно-исторической. Въ этомъ отрывкѣ онъ различаетъ между „всемирою“ исторіей и исторіей „всеобщю“, причемъ послѣднюю считаетъ выше первой ¹⁾. Мысль Грановскаго еще не отличается здѣсь вразумительностью, тѣмъ болѣе, что онъ не даетъ опредѣленія этихъ понятій, если только они не были даны въ несохранившемся началѣ наброска. Повидимому, первая обозначала собою простую сумму частныхъ исторій, тогда какъ „существеннымъ условіемъ“ всеобщей исторіи Грановскій считалъ „внутреннее единство“ ²⁾. „Всеобщая исторія,—говоритъ онъ между прочимъ,—имѣетъ, по понятію своему, предметомъ не весь родъ человѣческій, а только общее, существенное въ немъ. Она есть исторія развитія человѣчества“ ³⁾. Въ курсѣ 1843—44 года Грановскій говорилъ, что „всеобщая исторія“, въ смыслѣ органическаго развитія, есть не что иное, какъ „исторія нѣкоторыхъ благословенныхъ народовъ, которымъ досталась высокая участь быть наставниками человѣчества и развивать историческія идеи, составляющія достоин-

¹⁾ Сборникъ въ пользу студ. унив. св. Владиміра, 312.

²⁾ Тамъ же, 317.

³⁾ Тамъ же, 320.

ство человечества“¹⁾. Впоследствии онъ, кажется, оставилъ это дѣленіе, дабы выдвинуть на первый планъ одну только точку зрѣнія, въ которой сливались воедино оба раздѣленные прежде понятія. Въ актовой рѣчи о всеобщей исторіи говорится, что послѣдняя „соединяетъ въ одно цѣлое разрозненные семьи человеческого рода“²⁾. Грановскій указываетъ здѣсь на то, что ни Полибій, находившій частныя исторіи недостаточными, ни Діодоръ Сицилійскій, обѣщавшій рассказать судьбы всего міра, какъ исторію одного государства, не создали всеобщей исторіи. „Древніе, — замѣчаетъ нашъ историкъ, — разсматривали событія не съ всемірно-исторической, а съ національной точки зрѣнія... не возвышались до содержанія общихъ судебъ человечества“³⁾. „Понятіе о всеобщей исторіи было чуждо явическому міру и могло возникнуть не иначе, какъ подъ вліяніемъ христіанства“⁴⁾. Въ этой всеобщей исторіи Грановскій видѣлъ, какъ было упомянуто, не простую сумму частныхъ исторій, но ихъ взаимодействіе, сближеніе отдѣльныхъ націй, культурное объединеніе человечества. Въ своемъ курсѣ 1843—44 г. онъ имѣлъ уже въ виду, „разумѣется, въ отдаленной будущности, исторію полного человечества, которая обхватитъ всѣ доселѣ петро-

¹⁾ Тамъ же, 324.

²⁾ Сочиненія Грановскаго, I, 7.

³⁾ Тамъ же, I, 1.

⁴⁾ Тамъ же, I, 5.

нутыя исторію части земли, и время, когда всеобщая исторія перестанетъ быть исторіей отдѣльныхъ народовъ“¹⁾. Весьма естественно, что его радовали всѣ проявленія историческаго объединенія народовъ. Его привлекалъ къ себѣ образъ македонскаго героя съ его всемірно-историческою ролью. Онъ преклонялся передъ гениемъ Петра, приобщившаго Россію къ передовой цивилизаціи человѣчества. Вездѣ, гдѣ только замѣчался болѣе тѣсный союзъ между членами великой семьи, называемой человѣчествомъ, онъ видѣлъ дѣйствіе той гуманности, которая должна была по его представленію служить спайкою для разрозненныхъ частей одного общечеловѣческаго цѣлаго²⁾. „Онъ любилъ, — говорить о Грановскомъ Кудрявцевъ, — онъ любилъ слѣдить за человѣкомъ на всѣхъ степеняхъ его развитія безъ различія мѣста и времени... Гдѣ только находилось какое-нибудь людское общество, тамъ непремѣнно хотѣла присутствовать и неутомимая мысль нашего ученаго. Когда одни народы

¹⁾ Сборникъ въ пользу студ. унив. св. Владиміра, 324.

²⁾ „Къ числу самыхъ благодѣтельныхъ слѣдствій возрастающаго просвѣщенія, безспорно, принадлежитъ практическое приложеніе къ отношеніямъ лицъ и народовъ началъ вѣротерпимости и истинной любви ближняго, составляющихъ отличительный характеръ христіанской религіи. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе изглаживаются враждебные предразсудки сектъ и вѣрованій; часъ отъ часу становится тѣснѣе союзъ между членами огромнаго семейства, которое называютъ человѣчествомъ“. Сочиненія Грановскаго, I, 148.

такъ неуклонно идутъ впередъ въ этомъ развитіи, — спрашивалъ онъ самъ себя, — для чего другіе такъ неизмѣримо отстали отъ нихъ и какъ будто навсегда окаменѣли въ своихъ формахъ?“ Съ той же всемірно-исторической точки зрѣнія интереса ко всему человѣческому, онъ, говоря опять словами Кудрявцева, „слѣдилъ за всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось и происходило вокругъ него. Современные общественныя явленія не имѣли, — прибавляетъ Кудрявцевъ, — между нами болѣе воспріимчиваго органа для себя“ ¹⁾. Основою этой всемірно-исторической точки зрѣнія былъ у Грановскаго, конечно, глубокой, по характеру своему не только научный, но и этический интересъ къ человѣку, къ человѣческой личности, къ ея внутреннему міру, къ ея внѣшнимъ судьбамъ, ко всему человѣческому, гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было. Его занимали и жители Океаніи ²⁾, и судьбы еврейскаго народа ³⁾, и древній классическій міръ ⁴⁾, и Западная Европа въ средніе вѣка

¹⁾ Тамъ же, I, стр. IV.

²⁾ Тамъ же, II, 398 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, I, 147 и слѣд.

⁴⁾ Ему посвящено нѣсколько статей Грановскаго. Вотъ его общій взглядъ на этотъ міръ: „Изъ всѣхъ отдѣловъ древней исторіи одна только греко-римская представляетъ нѣчто оконченное и въ себѣ замкнутое. Въ ней одной находимъ мы полное развитіе народной жизни, отъ младенчества до дряхлости и конечнаго разложенія. Можно сказать, что каждое значительное явленіе этого длиннаго жизненнаго процесса совершилось подъ солнцемъ исторіи, предъ глазами остальнаго человечества. Вотъ почему судьбы Греціи и Рима всегда были и

и новое время,—бывшая, впрочемъ, главнымъ предметомъ его интереса,—а въ ней поочередно отдѣльные народы, магистерская же диссертация Грановскаго была посвящена поморскому славянству. Его ближайшіе ученики дивились „неистоцимости его знаній“: не было въ исторической литературѣ,—свидѣтельствуеъ Кудрявцевъ,— „довольно темнаго уголка, въ который бы онъ не успѣлъ заглянуть“¹⁾. Такая разносторонность историческаго интереса Грановскаго, понятная при широтѣ его общаго взгляда на жизнь и на науку, стояла въ полномъ соотвѣтствіи съ той универсальной точкою зрѣнія, которою онъ вводилъ въ исторію. Кудрявцевъ свидѣтельствуеъ намъ еще, что Грановскій „хотѣлъ полнаго человѣка и искалъ его во всей литературѣ, прошлой и современной. Поэтическіе памятники разныхъ временъ и народовъ были постояннымъ и любимымъ предметомъ его изученія“²⁾. Это тоже указываетъ на то, что Грановскому ничто человѣческое не было чуждо. Съ ранней юности онъ пристрастился къ литературѣ и, быть можетъ, впервые на иностранныхъ писателяхъ онъ воспиталъ въ себѣ ту способность понимать все человѣческое, которая легла въ основу его научной всемірно-исторической точки зрѣнія. И она, эта точка зрѣнія, повторяемъ, была лучшимъ плодомъ его историческихъ занятій.

останутся надолго любимымъ предметомъ думы и изученія для великихъ историковъ и мыслящихъ умовъ“. Тамъ же, II, 427.

¹⁾ Сочиненія *Кудрявцева*, II, 544. См. стр. 547.

²⁾ Тамъ же, II, 545.

Я окончилъ взятую на себя задачу. Мы видѣли, что Грановскій не только на словахъ признавалъ важность теоретической выработки для себя историческаго міросозерцанія. Мы видѣли, что въ своемъ пониманіи задачъ исторіи, какъ науки, онъ соединилъ въ самостоятельномъ синтезѣ воззрѣнія лучшихъ представителей современнаго ему знанія. Мы видѣли еще, что онъ искалъ обогатить исторію идеями и данными другихъ наукъ, начиная съ философіи и кончая естествознаніемъ. Мы видѣли далѣе, въ чемъ заключается его общій взглядъ на процессъ исторіи, на закономѣрную необходимость этого процесса, исключаящую, однако, фатализмъ, на его ограниченность, не устраняющую, впрочемъ, личнаго дѣйствія, на его прогрессивность, сообщающую исторіи высшій смыслъ осуществленія идей истины и добра. Мы видѣли также, что Грановскій признавалъ за своей наукой великое образовательное, воспитательное, общественное значеніе и, чутко отзываясь на запросы современности, хотѣлъ, чтобы, наука, настоящая историческая наука, отрѣшенная отъ какихъ бы то ни было предрасудковъ, говорила свое авторитетное слово обществу и въ этомъ смыслѣ была дѣйствительною наставницею жизни. Мы видѣли, наконецъ, что во всемірно-исторической, гуманной и универсальной точкѣ зрѣнія это общее представленіе о наукѣ, это историческое міросозерцаніе нашло свое завершеніе, свой вѣнецъ. Мы, дѣйствительно, видѣли все это, потому что намъ нигдѣ не приходилось догадываться о томъ, что

думалъ Грановскій и какъ думалъ Грановскій обо всемъ томъ, о чемъ мы говорили. Мы передавали его мысли большею частью его же собственными словами, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгая къ показаніямъ людей, которые его знали хорошо. И если только я вѣрно воспроизвелъ историческое міросозерцаніе Грановскаго, если правильно опредѣлилъ взаимныя отношенія между отдѣльными его идеями, то можно будетъ сказать, что въ этомъ міросозерцаніи, широкомъ и благородномъ, хотя и не всегда согласованныя между собою слились, на почвѣ гармоничной, любящей ¹⁾ природы самого Грановскаго, лучшія научныя и прогрессивныя теченія европейской мысли.

Исторія, какъ понималъ ее Грановскій и какъ онъ ей училъ другихъ, наиболѣе подходила ко всему свладу его ума, его характера. „Грановскій,—говорить о немъ прекрасно знавшій его Герценъ,—сильно сочувствуя тогдашнему научному направленію, не имѣлъ ни любви, ни таланта къ отвлеченному мышленію. Онъ очень вѣрно понялъ свое при-

¹⁾ Вспомнимъ краткія характеристики его Герценомъ, какъ любящей природы. Сочиненія, VII, 120, 155. „Великая сила любви,—говоритъ Герценъ,—лежала въ этой личности. Со многими я былъ согласенъ въ мнѣніяхъ, но съ нимъ я былъ ближе—тамъ гдѣ-то, въ глубинѣ души“, 238. „Въ его любящей, покойной и снисходительной душѣ исчезали угловатыя распри и смягчался крикъ себялюбивой обидчивости“, 251. Ср. характеристику публичнаго курса Грановскаго въ „Москвитянинѣ“, приведенную нами выше.

звание, избравъ главнымъ предметомъ занятой исторію. Изъ него бы никогда не вышелъ ни отвлеченный мыслитель, ни замѣчательный натуралистъ. Онъ не выдержалъ бы ни безстрастную нелицепріятность логики, ни безстрастную объективность природы; отрѣшиться отъ всего для мысли или отрѣшиться отъ себя для наблюденія онъ не могъ; человѣческія дѣла, напротивъ, страстно занимали его. И развѣ исторія не та же мысль и не та же природа, выраженная инымъ проявленіемъ? Грановскій думалъ исторіей, учился исторіей и исторіей дѣлалъ потому пропаганду“¹⁾. Быть можетъ, въ исторіи же онъ черпалъ и нравственное ободреніе и силы для жизненной борьбы. Исторія въ его представленіи должна была быть нравственнымъ судомъ потомства, и „въ возможности такого суда“ онъ видѣлъ „нѣчто глубоко утѣшительное для человѣка. Мысль о такомъ судѣ,—говорилъ онъ,—даетъ усталой душѣ новыя силы для спора съ жизнью“²⁾.

Историческое міросозерцаніе Грановскаго, сказалъ я въ началѣ, характеризуетъ не только его личность, но и ту стадію научнаго развитія, на которой находилась его эпоха. Можно ли, однако, сказать, что міросозерцаніе Грановскаго въ на-

¹⁾ Тамъ же, VII, 255. Отзывъ Герцена о лекціяхъ Грановскаго: „Излагая событія, художественно группируя ихъ, онъ говорилъ ими, такъ что мысль, не сказанная имъ, но совершенно ясная представлялась тѣмъ знакомѣ слушателю, что она казалась его собственною мыслью“, стр. 259.

²⁾ Сочиненія Грановскаго, I, 241.

стоящее время имѣеть лишь историческое значеніе? Какъ и во всѣхъ проявленіяхъ человѣческаго духа, и въ этомъ міросозерцаніи, конечно, есть много личнаго и временнаго и, какъ все личное и временное, преходящаго, но въ немъ же, какъ и во всемъ, въ чемъ проявляются лучшія стороны человѣческаго духа, есть нѣчто общечеловѣческое — безсмертное и вѣчное. Грановскій умѣлъ возвышаться до созерцанія этого непреходящаго, но постоянно развивающагося начала человѣчности, до этого безсмертнаго и вѣчнаго, и тамъ, гдѣ онъ являлся проповѣдникомъ идей науки и гуманности, онъ былъ именно проповѣдникомъ самыхъ живыхъ, самыхъ жизненныхъ, самыхъ животворящихъ человѣческихъ идей. Онъ первый внесъ ихъ у насъ въ изученіе и преподаваніе всеобщей исторіи, и въ этомъ его великая личная заслуга. Онъ самъ умѣлъ чтить того, „кто явнымъ дѣломъ или невѣдомымъ, духовнымъ участіемъ содѣйствовалъ осуществленію историческаго закона“¹⁾, но и самъ же онъ подвигомъ своимъ заслужилъ право на благодарную память потомства за оставленное намъ наслѣдіе. Наслѣдіе это — въ понятіи научной исторіи, какъ органа умственнаго, нравственнаго и гражданскаго воспитанія общественныхъ силъ для жизненной борьбы во имя высшихъ требованій человѣчности.

¹⁾ Тамъ же, I, 240.